

Чарльз Верлинден

Христофор Колумб. Мираж и настойчивость

Перевод с немецкого

СОДЕРЖАНИЕ

1. Об авторе
2. Юношеские годы и начинания
3. Колумб и король Португалии
4. Колумб в Кастилии
5. Колумб и влияние Средневековья на колонизацию Америки
6. Первое плавание
7. Второе плавание
8. Колумб — колонизатор
9. Третье плавание
10. Четвертое и последнее плавание
11. Заблуждение, но все же успех

ББК 63.3(03)
В 33

*Перевод с немецкого
Дэра А. Д., Жаровой И. И.*

Верлинден Чарльз, Матис Герберт.
В 33 Покорители Америки. Колумб. Кортес. Серия
«Исторические силуэты». Ростов-на-Дону:
«Феникс», 1997. — 320 с.

Колумб сделал величайшее географическое открытие всех времен, хотя при этом он исходил из ошибочных представлений и упорно придерживался своих заблуждений. Поэтому он и сомневался в значимости своих открытий. Но это заблуждение принесло свои плоды. Эрнан Кортес — продолжатель дела Колумба — известен как завоеватель Мексики и губернатор Новой Испании. Они создали современный западный мир, и заложили основы атлантической цивилизации, судьба которой тесно связана с судьбой цивилизации всего мира.

ISBN 5-222-00419-8

ББК 63.3(03)

© 1987, Charles Verlinden «Kolumbus»;
1982, Herbert Matis «Hernan Cortes».

Все права охраняются. Разрешенный перевод немецкого издания, опубликованного Muster-Schmidt Verlag.

© 1997, перевод: Дэра А. Д., Жарова И. И.
© Оформление: издательство «Феникс», 1997.

КНИГА I
ЧАРЛЬЗ ВЕРЛИНДЕН
ХРИСТОФОР КОЛУМБ
МИРАЖ И НАСТОЙЧИВОСТЬ

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ И НАЧИНАНИЯ

Христофор Колумб родился в Генуе, к разочарованию всех других городов, которые стремились присвоить себе честь быть его родиной. Он ни испанец, ни португалец, ни француз, он — итальянец. Он не был еврейского происхождения, как предполагали многие, он был христианином. Лишь ярые националисты XIX и XX веков высказывали подобные предположения, но они не могут быть подтверждены документально. Все источники единодушно придерживаются его генуэзского происхождения.

Точная дата его рождения нам неизвестна, но установлено, что Колумб родился, вероятно, между 25 августа и 31 октября 1451 г. Мы хорошо осведомлены о его семье и знаем, что он жил в довольно скромных условиях. Его дед со стороны отца был ткачом в Моконези, недалеко от Чиавари, примерно 30 км восточнее Генуи. Отец Колумба, Доменико, учился тому же ремеслу в Квинто, в той же местности, у ткача из Брабанта, который поселился в Лигурии. С 1440 г. он жил в Генуе, недалеко от Порта-дель-Оливелла, на востоке, откуда он и был родом. Пять лет спустя он

женился на Сусанне Фонтанарозе, тоже дочери ткача. В доме на Порта-дель-Оливелла, местонахождение которого не может быть установлено, в августе, сентябре или октябре 1451 г. увидел свет Христофор. Вероятно, он был не первым ребенком Сусанны и Доменико, но старшие дети умерли рано. Его брат Бартоломео, который стал впоследствии «adelantado» Индии, был на два года моложе. Самого младшего брата, тоже сыгравшего определенную роль в Америке, звали Джакомо, испанцы называли его Диего. Он родился спустя 17 лет после Колумба.

Доменико Коломбо не был простым ремесленником, он был мастером в ткацком цехе. Он был честлюбив. Наряду со своим непосредственным занятием ткача, он, пытаясь улучшить свое социальное положение, вел мелкую торговлю. Время от времени он оставлял мастерскую и продавал вино и сыр. Христофор и Бартоломео чесали шерсть для отца, а мать пряла ее. Таким образом, это было небольшое семейное предприятие, каких было много в средневековых городах.

В 1470 г. Доменико переехал в Савону. Там он также ткал сукно и продавал вино. Христофор, старший сын, принимал активное участие в торговых делах отца. Это видно из одного письменного документа, составленного нотариусом, в котором отец, как хозяин трактира, и сын признают долг в 48 генуэзских лир за вино, которое они купили. Они также скупали шерсть и торговали сукном. В 1473 г. Христофор принимал участие в продаже своего родного дома на Порта-дель-Оливелла в Генуе.

В возрасте 22 лет будущий первооткрыватель Нового Света все еще был мелким ремесленником и торговцем в средневековом городе. Но этим городом была Генуя, один из городов, господствовавших на Средиземное море. Хотя у Колумба не было достаточного образования, он жил в такой среде, где жаждущему приключений, мечтавшему найти свое счастье в торговле за морем все казалось возможным. Любому тщеславному жителю Генуи это давало большой шанс. Многочисленные сограждане Колумба прошли этот путь с тех пор, как после первого крестового похода Лигурийская республика основала поселения на Священной Земле и в колониях на островах. К концу XIII века она владела уже и рядом городов в Византийской империи. Одновременно генуэзский флот начал регулярно доставлять богатые товары в Англию и Фландрию. Их корабли часто заходили в гавани вдоль испанского и португальского побережья.

Возможно, Христофор и начал свой долгий жизненный путь мореплавателя с этой прибрежной торговли между Савоной и Генуей, чтобы скупать в лигурийской столице шерсть, сыр и вино и привозить все это отцу в Савону, или продавать в Генуе сукно, изготовленное в семейной мастерской. Почти вся местная торговля Лигурии происходила тогда на море в маленьких лодках с латинскими парусами. Поэтому нельзя исключить и того, что в 1471 или 1472 году Колумб вступил в команду одного генуэзского корабля на службе у короля Рене Провансальского. Точно известно, что немного позже он отправился на

остров Хиос, хотя о дате нет полной ясности. Во всяком случае, по некоторым документам можно предположить, что это было в 1474 или 1475 году. Оба Спинолы и ди Негро, члены семей богатых генуэзских торговцев, у которых спустя несколько лет Колумб состоял на службе, послали тогда корабли на Хиос, с которым Генуя поддерживала тесные торговые отношения. На борту были ткачи из Савоны, среди них мог быть и Колумб. Хотя он и был потомственным ремесленником, он все же постепенно становился и моряком. Будучи мелким торговцем, как и его отец, он все-таки поддавался влечению мировой торговли, которую вели Спинолы, ди Негро и Чентуриони, с которыми мы еще встретимся. Но кроме этого Хиос был колонией и вел колониальную торговлю, прежде всего, мастиксом (смолой мастикового дерева), который был особым природным богатством. Таким образом, Колумб сблизился с миром, который резко отличался от того, где ему суждено было увидеть свет.

В 1476 г. Спинола и ди Негро послали свой флот, нагруженный мастиксом, от Хиоса во Фландрию. Одним из матросов на борту был Колумб. 31 мая флот отправился в путь от Ноли вблизи Генуи, и, по-видимому, один из кораблей шел под флагом герцога Бургундского и графа Фландрского, враждовавшего с королем Франции. 13 августа недалеко от Лагуша, на южном побережье Португалии, их атаковала французская эскадра. Генуэзцы тоже были вооружены и храбро сражались. Колумб был ранен и спасся вплавь с помощью весла, гонимого волнами. Он добрался до

Лагуша, где его вылечили, и отправился потом в Лиссабон. Из-за этого несчастья таким драматическим образом и началась его иберийская (португальская) карьера, которая и повела его еще дальше по свету.

Нам, знающим его историческую роль, это кажется предзнаменованием судьбы, но сам Колумб не сразу все понял. Он воспользовался первой же возможностью, чтобы снова отправиться в путь на каком-либо генуэзском корабле. И действительно, в первые дни 1477 года по пути в Англию в Лиссабон вошел флот из Генуи. Вероятно, Колумб поступил на службу в этот флот и прибыл в Англию. Из Бристоля он отправился в Голуэй, в Ирландию, о чем он впоследствии рассказал в своих собственных заметках. Затем он достиг берегов Исландии, об этом он тоже упоминает. Наверняка туда он прибыл на одном из маленьких рыбацких суденышек, которые уже давно освоили эти морские просторы. Во всяком случае, море и жажда приключений овладели им.

Как бы то ни было, будущей весной он снова попал в Лиссабон. Нет сомнений в том, что в это время он хорошо понимал ту роль, которую играла Португалия в переходный период от средневековья к новому времени. Генрих Мореплаватель, инициатор великих открытий, умер всего лишь 17 лет назад, и португальские корабли все шире раздвигали границы известного им мира. С каждым годом в Лиссабон с берегов Гвинеи привозили все больше и больше перца, слоновой кости, черных рабов и золота. Таким образом, отчетливей ощущалось расширение мира.

Благодаря своему духу предпринимателя — а в этом смысле Колумб был современным человеком — он это сразу понял. Кроме итальянских соотечественников на улицах Лиссабона он встречал англичан, фламандцев, мавров из Северной Африки, свободных и несвободных негров. Своими глазами он видел, как Португалия поворачивалась лицом к новому миру, в то время как турки постепенно делали недоступным для Генуи Левант (Ближний Восток), богатства которого после крестовых походов оживили торговлю в лигурийской столице. Колумб, образ мыслей которого питался до сих пор средневековыми представлениями, будучи современным человеком, обратился к настоящему и будущему, по крайней мере, в отношении к миру торговли и тем выгодам, которые можно было получить от нее.

Но еще и другой мир открылся ему — мир науки и книг, прежде всего, сочинений по географии, то есть об облике и подлинных или воображаемых размерах этого материального мира, постоянно расширяющегося перед глазами жителей Лиссабона.

Его брат Бартоломео присоединялся к нему на берегу Тежу (Тахо) или уже ждал его там, потому что и он чувствовал изменения в картине мира. В это время он был самым образованным членом их семьи. Вероятно, он учился у одного из рисовальщиков географических карт в Генуе. Собственно говоря, он все еще оставался ремесленником, но в это время он изготавливал совсем другие вещи, а не сукна. Картографическая школа Генуи была уже знаменита, и рисовальщики,

которые делали карты, вносили в них каждое новое открытие, как только узнавали о нем. Тогда эти открытия делали, в основном, португальцы. И что же могло быть более привлекательным, чем Лиссабон, для молодого мастера, который хотел стать картографом?

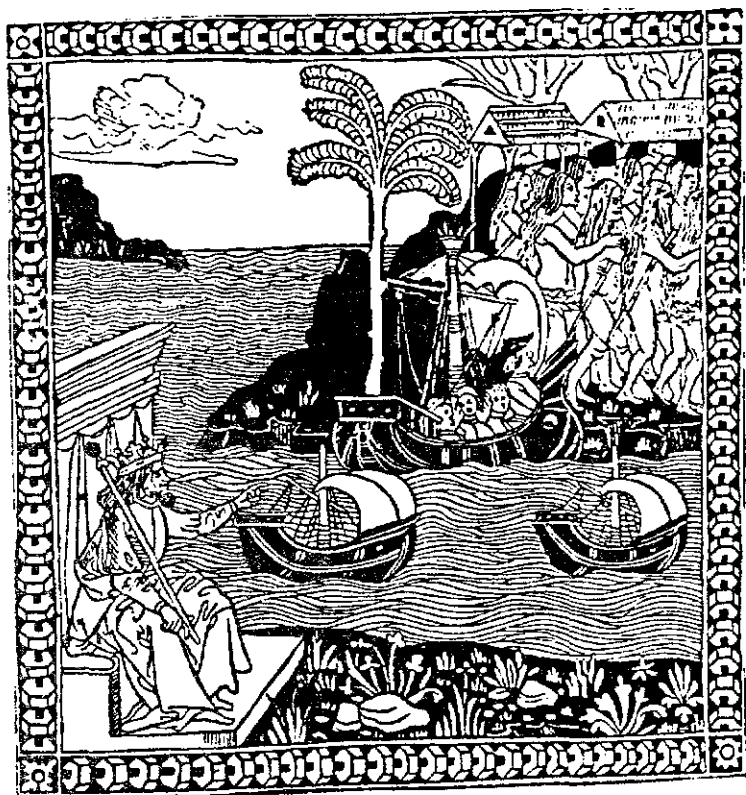
Христофор и Бартоломео уже вместе рисовали карты и продавали их; это было очень выгодным занятием в городе, где многие интересовались изменяющимся лицом земли. У картографов, конечно, были большие связи с географами и с людьми, интересовавшимися географией, их было много в ученых и авторитетных кругах Лиссабона, так, например, каноник собора Фернан Мартинс, бывший посланник в Риме. В Италии он познакомился с врачом и гуманистом Паоло дель Поццо Тосканелли. Он живо интересовался размерами земли, но в особенности расстоянием между восточным побережьем Азии и западным побережьем Европы. В отличие от ученых того времени, он придавал большое значение свидетельствам венецианца Марко Поло, который уже в начале XIV века дал подробное описание Cathay (Китай) и Cipangu (Японии). Он ставил его даже выше александрийского географа Птолемея, который в ученом мире считался непревзойденным. На запрос каноника Мартинса, направленный по требованию короля Португалии Альфонса V врачу Тосканелли, пришел ответ: Китай, Японии и Индии легче достичь западным путем, чем плыть под парусами вдоль берегов Африки, как это делали раньше португальцы, причем никогда точно не было известно, достигли они Азии или

нет. Колумб получил копию этого письма. Оно дало ему ряд ссылок, которыми он сумел воспользоваться впоследствии благодаря своему пылливому уму.

В это время Христофор, считавшийся уже образованным человеком, начал изучать латынь; достаточно, чтобы читать произведения ученых, но не совсем достаточно, чтобы самому писать по-латыни. Все свои силы он отдавал этому занятию, не оставляя без применения того, что уже достиг. Хотя он и вращался уже в кругу образованных людей, но не порывал связей с торговым миром. Из-за честолюбия, присущего ему, он во всем хотел быть на высоте. Паоло ди Негро, один из членов генуэзской семьи, пославшей его когда-то на Хиос, в 1478 г. поручил ему закупить сахар на Мадейре. Это было важное поручение, из чего можно заключить, что он оправдывал доверие своих генуэзских заказчиков.

На Мадейре или в Лиссабоне познакомился он со своей будущей женой, Фелипой де Перестрелло-и-Мониз. Она была дочерью губернатора острова Порту-Санту, расположенного вблизи острова Мадейра. Он был родом из Ломбардии, умер двадцать лет тому назад, оставив вдову и дочь в трудном материальном положении. Этим и можно объяснить, что Колумб был принят зятем в знатную португальскую семью. Но кроме этого можно также заключить, что он был безупречен в своем поведении в обществе, поэтому подобная связь была признана возможной.

Свадьба состоялась предположительно в конце 1479 г. Колумб вошел, таким образом, в семью, в

которой все еще были живы традиции мореплавания и колониального мира. Его покойный тесть был близким другом Генриха Мореплавателя, за него он и управлял островом. По высказыванию венецианского торговца и мореплавателя Ка да Мосто, он был видным колониальным предпринимателем.

Молодая пара оставалась вначале в Порту-Санту, где брат жены Колумба был тогда губернатором. Там же появился на свет их единственный ребенок, который в будущем станет вице-королем

испанской Америки. Его звали Диего Колон. Спустя некоторое время Христофор и Фелипа поселились в Фуншале, столице Мадейры.

В 1482 или 1483 г. Колумб отправился в Гвинею и осмотрел там крепость, построенную Дього де Азамбужей в Сан-Жоржи-да-Мина.

По всей вероятности, в то время он командовал двумя кораблями. Кроме того, можно предположить, что он тогда находился на службе в Португалии. Это предположение подтверждается и его женитьбой на дочери бывшего губернатора Генриха Мореплавателя, и положением его шурина в Порту-Санту, и тем фактом, что вскоре после этого он был представлен королю Португалии и сделал ему удивительное предложение.

Это африканское путешествие дало Колумбу возможность установить контакты с новым колониальным миром, который расширялся благодаря португальским открытиям. Помимо этого, плавание в тропических водах в сопровождении опытных португальских лоцманов во многом обогатило его познания в навигации.

В то время Колумбу было 31 или 32 года. Он был высок ростом, на его узком лице с красноватым оттенком выделялся нос с горбинкой, светло-голубые глаза, волосы его рано поседел. Это известно от его сына и биографа Фердинанда, который точно описал его в эти годы. Он всегда владел собой, беседу вел дружелюбно и с достоинством. В религиозном отношении он был очень строг к себе. Во время постов и молитв его можно было бы посчитать членом какого-либо монашеского ордена. Любую рукопись он начинал сло-

вами: «Jesus cum Maria sit nobis in via». Особо он чтил Божью Матерь и святого Франциска. Впоследствии за все, что ему удавалось, он благодарил Бога, считая это Божьей милостью. Дальше мы увидим, что эта религиозность привела к тому, что, как и Давид, он считал себя избранником Божиим и надеялся на то, что провидение считает его достойным отвоевывать Святую Могилу. Но эти устремления не проявлялись пока настолько отчетливо, чтобы судить о его характере. Этот человек, начавший вскоре после этого переговоры при дворе Португалии, был добрым душой со средневековой набожностью. Но известно, что в быстро меняющемся мире он оставался современным человеком с удивительной силой воли и честолюбием. Эти две черты его характера были постоянно присущи ему и определили его историческую роль.

КОЛУМБ И КОРОЛЬ ПОРТУГАЛИИ

В Лиссабоне и на Мадейре Колумб, должно быть, много читал, особенно книги по географии и космографии. Позже и в Кастилии он продолжал учиться, пока его великий проект не нашел одобрения королевы Изабеллы. Но уже в Португалии все прочитанное служило ему основой формировавшейся в нем идеи.

В последнее время португальцы неоднократно совершали путешествия от Мадейры, Азорских и Канарских островов на запад. В 1462 году король Португалии Альфонс V предоставил некоему Вогато неограниченные права на два возможно находящихся там острова. Другой, по имени Теллес, искал Антилию или Остров Семи городов. Многие последовали за ними. И каждый раз проходили слухи, что если даже ни одним островом не удалось овладеть, то увидеть можно было несколько из них. Все меньше и меньше сомневались в том, что западнее от уже известных островов расположены и другие. Это мнение разделял и Колумб. Убежденность укрепляла в нем идею, высказанную Тосканелли в письме, о котором уже шла речь: «Во время плаванья в Азию или в

Индию в западном направлении эти острова могут служить остановками или опорными пунктами».

Еще до своего путешествия в Гвинею Колумб состоял с Тосканелли в непосредственной переписке. Есть два письма флорентийца Колумбу, имевших для него большое значение. Гуманист Тосканелли предпочел данные о долготе, установленные Марко Поло, данным Птолемея и, в отличие от александрийского географа, предполагал местонахождение восточного побережья Азии примерно на 30 градусов восточнее. Он утверждал, что Япония находится далее в океане примерно на расстоянии 1500 миль, а все расстояние между побережьем Португалии и Китаем составляет около 5000 морских миль; кроме этого, Антильские острова на этом пути могут служить остановкой. Как известно, такая оценка значительно ниже действительных расстояний, но Колумбу и она казалась слишком высокой. Арабскую милю, которой пользовался географ Альфраганус для градусного измерения экватора, он принял за более короткую итальянскую милю и долготу считал равной 45 морским милям, то есть три четверти ее действительной длины. Следуя другим, таким же ошибочным вычислениям, он полагал, что расстояние между Канарскими островами и Японией составляет 2400 миль, что соответствует лишь расстоянию между Канарскими островами и Виргинскими островами в Карибском море, о существовании которых он, само собой разумеется, не мог и предполагать.

Полностью доверяя этой не совсем точной науке, Колумб обратился с просьбой к королю

Португалии Жуану II предоставить в его распоряжение корабли, на которых, плывя на запад, он мог бы достичь острова Сипанго. Вначале король выслушал просьбу Колумба довольно благосклонно, что и не очень удивительно, потому что генуэзцы не раз оказывали Португалии отличные услуги, как, например, Мануэль Пессаньо и его потомки, адмиралы Португалии. С начала XIV века под их командованием находился королевский флот, и они во многом способствовали открытию Мадейры, Канарских и Азорских островов.

Таким же адмиралом на Канарских островах на португальской службе до 1385 года был Николосо да Рекко, возглавивший исследовательское путешествие на Канарские острова в 1341 году, а также Антонио да Ноли, который незадолго до смерти Генриха Мореплавателя открыл несколько островов Зеленого Мыса и был там губернатором.

Но Жуан II был мудрым властителем и не хотел связывать себя легкомысленными обязательствами. Он отослал Колумба к «Хунте математиков», которую он создал под началом Диего Ортиц-де-Виллегаса, архиепископа Сеуты. Другими членами объединения были ученые евреи: мастер Родриго, который усовершенствовал астробию, секстант того времени, и мастер Хосе Вицинго, также мастер навигационной астрономии. Эти люди знали, что измерения долготы и расстояния, о которых говорил Колумб, неверны. Конечно, и у них не было точных данных о подлинных долготе и расстоянии, но у них было достаточно знаний, чтобы увидеть, что Колумб

ошибался в своих расчетах. Поэтому они и советовали королю отказать ему в его просьбе.

В одном только король Португалии и его советники были единодушны. Речь шла о том, что надо было наконец установить, что же представляет собой этот Остров Семи городов, о котором тогда так много говорили. Не не Колумбу поручили открыть эту тайну. Эту задачу король возложил на фламандца Фердинанда ван Ольмена, названного в Португалии Фернаном д'Ульмо. До того времени он был губернатором на одном из Азорских островов, как и многие его соотечественники до него. Чтобы снарядить свою экспедицию, он объединился с одним богатым колонистом с острова Мадейра по имени Эстрейто. По его словам, у него было намерение открыть для короля один или несколько островов или все побережье континента. Действительный вид страны, которую он хотел достичь, оставался неизвестным ему и поэтому он называл ее традиционным именем «Остров Семи городов». Все это известно благодаря привилегии, которую король предоставил ему в 1486 году. Отсутствие знаний о землях, которые предстояло открыть, доказывает и тот факт, что португальские открытия простирались к этому времени лишь до Центральной Америки. Даже если берега и были видны, острова не были завоеваны. Фердинанд ван Ольмен получил королевскую привилегию, потому что он сам вызвался снарядить экспедицию, как в то время делали все португальцы, предпринимая путешествия на запад, как это было, например, с экспедициями братьев Кортереаль в 1500, 1502, 1506 годах.

Без сомнения, одной из причин отклонения предложения Колумба был тот факт, что он не делал раньше подобных предложений, и король не хотел тратить деньги на экспедицию, которую он по праву считал слишком рискованной, по сравнению с теми, которые предпринимали в это время Диего Кан и Бартоломео Диаш вдоль южного побережья Африки.

Интересно вкратце остановиться на путешествии ван Ольмена, так здесь можно некоторым образом провести сравнение с плаванием Колумба. Точно так же, как и у Колумба, его путешествие проходило на каравеллах. Колумб командовал тремя кораблями, фламандец — двумя. Он вместе со своим совладельцем Эстрейто снарядил корабли для плавания в течение шести месяцев. Но ван Ольмен странным образом рассчитывал вступить на землю уже через сорок дней. Путешествие началось весной 1487 года. Если подумать, что пять лет спустя Колумбу понадобилось 36 дней, чтобы от Канарских островов доплыть до Багамских, то точность расчетов Ольмена удивляет. Это доказывает, что в то время уже было достаточно много предшествующих португальских путешествий в западном направлении, и они могли дать фламандскому мореплавателю довольно точные представления о расстоянии, которое нужно пройти.

Но, несмотря на это, путешествие Ольмена потерпело неудачу, и не он, а Колумб открыл Америку. Ван Ольмен и Эстрейто выбрали плохое время года. Кроме того, они еще не умели использовать пассаты, как позже это делал Колумб. Это можно видеть из рассказа одного современника,

испанца Лас Казас, в котором идет речь о путешествии Эрнана де Ольмоса, очень похожем на Фердинанда ван Ольмена. Испанский писатель рассказывает, что однажды путешествие привело его в воды западнее Ирландии, намного дальше на север, намного севернее пути, проложенного впоследствии Колумбом.

Ван Ольмену не суждено было вернуться. Как бы то ни было, но Америку мог бы открыть фламандец на службе в Португалии вместо генуэзца на службе в Кастилии. История Запада могла быть совершенно иной. Если бы Ольмен достиг цели, то сегодня не только в Бразилии, но и в 17 латиноамериканских республиках говорили бы португальски. Судьбы истории зависят подчас от судьбы одного единственного человека!

Хотя его предложение и было отклонено, отношения между Колумбом и королем Португалии остались прежними. В 1499 г. он пишет Жуану II из Севильи письмо с той же просьбой. Он даже соглашается приехать в Лиссабон, но требует гарантий против возможного задержания. Оставил ли он долги? Боялся ли чего другого? Этого мы не знаем. Во всяком случае король в одном из своих любезных ответов называет его своим другом и хвалит за его талант. Официально он гарантирует ему свободу и обещает, что тот ни в коем случае не будет арестован. Король даже высказывает ему свою признательность за то, что он хочет приехать в Лиссабон.

Что же случилось? Письмо было написано в 1488 году. Прошло уже более десяти месяцев с тех пор, как отплыл ван Ольмен, но у него было

провианта только на шесть месяцев. Почти точно можно было предположить, что экспедиция нашла уже где-то свой печальный конец. Находясь в Севилье, Колумб конечно же узнал об этом, так как между итальянской колонией Лиссабона и большой андалусской гаванью была налажена постоянная связь. По всей видимости, он подумал, что наступил момент осуществить свою идею.

Но во всяком случае он не поехал тотчас же в Португалию, а появился в Лиссабоне лишь в декабре 1488 года, после того как Бартоломео Диаш, открыв мыс Доброй Надежды, вновь достиг устья Тежу. Колумб упустил свой благоприятный момент. Король уже знал, что восточный путь в Индию был свободен, а западный в это время его более не интересовал. А когда он вновь проявил к нему интерес, Колумб уже открыл Новый Свет, находясь на службе в Испании.

КОЛУМБ В КАСТИЛИИ

В середине 1485 года Колумб вместе со своим сыном Диего приехал в Палос в Андалусии. Его супруга Фелипа Перестрелло-и-Мониз умерла. Дата ее смерти неизвестна. Так стерся облик этой женщины, супруги и матери будущего наместника короля в испанской Индии; лишь отрывочные сведения дают нам представление о ее мимолетном влиянии на ход истории.

Палос — это маленький, отливающий белым город прямо в устье реки Рио-Тинто. В непосредственной близости от него возвышается францисканский монастырь Рабида. Там и оставил Колумб своего маленького сына, получив для этого разрешение у францисканского настоятеля монастыря Севильи, Антонио де Марчена. Тот интересовался географией и космографией и стал покровителем Колумба. Он представил его герцогу Медины Сидонья, пообещавшему ему эскадру, но не выполнившего своего обещания. Тогда он привел его к дону Луису де ла Серда, герцогу Мединасели, который владел кораблями, стоящими в гавани Пуэрто-Санта-Мария в устье Гвадал-

квивира. Казалось, что Колумб был буквально одержим желанием совершить путешествие в Японию в западном направлении. Он применил все свое красноречие и силу убеждения, чтобы получить средства для осуществления своего плана. Как только Мединасели услышал об этом, он попросил при дворе разрешения предоставить в распоряжение генуэзца три или четыре хорошо оснащенных корабля. Таким образом королева Кастилии Изабелла узнала о плане и почти тотчас же высказала желание увидеть человека, предложения которого были отклонены в Португалии. Теперь Колумб поверил, что он почти уже достиг исполнения своих желаний. Когда королева выслушала его, она решила изложить его предложения перед собранием ученых и сейчас же предоставила герцогу Мединасели все полномочия, чтобы поддерживать экспедицию деньгами. Позже она и сама решилась оказать ему финансовую поддержку.

Все это случилось, конечно, не в один день. Почти целый год Колумб постоянно находился в доме герцога Мединасели, который, без сомнения, надеялся в случае успеха запланированного путешествия извлечь из него свои выгоды. Впрочем, герцог не очень строго следил за пребыванием Колумба в его доме, так как известно, что Колумб некоторое время провел в Кордове. Там он познакомился с Беатрис де Гарана, которая была почти на 15 лет моложе его. Она подарила ему сына Фердинанда, ставшего впоследствии его биографом. Он был незаконнорожденным, так как Колумб не женился на его матери. Как долго Колумб прожил с ней, неизвестно. Основной

причиной, почему он не женился на ней, было то, что, по его мнению, подобная женитьба не могла облегчить ему доступ к высшему свету. Однако это не помешало ему обязать своего законного сына Диего в 1502 году выплачивать Беатрис ежегодную ренту в 10000 «мараведи», а в 1506 году он наказывал ему заботиться о том, чтобы она могла вести жизнь, достойную уважения, так как он ей «очень обязан». Таким образом он попытался очистить свою совесть, так как это обстоятельство «тяжелым грузом давит на его душу». Удивительный человек! Такой религиозный в своей повседневной жизни, он все же имел любовницу, на которой он не женился, боясь разрушить свою карьеру. С семьей Беатрис он остался, во всяком случае, в хороших отношениях, так как ее старший брат Педро де Гарана командовал позже одной каравеллой во время третьего плавания, а ее двоюродный брат принимал участие в первом плавании. К тому же взаимоотношения между обеими семьями оставались очень тесными. Наместник короля Диего не только определил Беатрис постоянную ренту, как велел ему его отец, но и отметил ее в своем завещании. Его вдова, принадлежавшая к самым высоким кругам испанской знати, отдала членам семьи Гарана завещанное. Поэтому незаконнорожденный сын Фердинанд усердно стремился защитить в Испании права наследования своего сводного брата Диего, которыми он не мог пользоваться непосредственно при дворе, так как был американским наместником. Сказывались патриархальные обычаи того времени, когда воз-

держание и религия по-разному правили совершенно различными слоями людей!

В 1486 году, вероятно, 1 мая, Христофор Колумб был принят на первой аудиенции королевы Изабеллы Кастильской в Алькаzare в Кордове. Она была одного возраста с Колумбом. Спустя несколько лет она назначила его Адмиралом Океана. Простая, любезная, но величественная в своем обращении, она сразу оказала на него такое же влияние, какое могла оказать на всех ее кастильских подданных, которые не очень отличались своей дисциплинированностью во время правления ее предшественника, слабого Генриха IV. По-видимому, на нее тоже произвела впечатление его страстная, но деловая речь, потому что она тотчас же поручила своему казначею назначить ему содержание, пока комиссия ученых, о которой уже шла речь, не выскажет своего мнения.

Пока у Колумба все шло хорошо в Кастилии, он и мог надеяться, что в скором времени его замысел может осуществиться. Конечно, он мог так думать, так как получал откровенные доказательства королевской милости. Но он не предусмотрел власть придворных и чиновников.

Особая комиссия была назначена под председательством Эрнандо Талавера, духовного отца королевы и будущего архиепископа Гранады. Впервые комиссия собралась в Кордове, затем в Саламанке, известном университетском городе. Одну из коллегий возглавлял доминиканец Диего де Деза, будущий архиепископ Севильи. Он добился того, что комиссия воздержалась от своего решения, так как без поддержки доминикан-

ского оредена оно не могло быть благоприятным для Колумба. Как и их португальские коллеги, испанские ученые не очень доверяли расчетам генуэзца, и Деза должен был использовать все свое красноречие, чтобы предложение Колумба достичь Азию по западному пути не было полностью отклонено. Привел ли доминиканец неверные предположения Колумба или он просто хотел дать настойчивому оратору еще один шанс, осталось неизвестным. Но, отсрочив решение, он открыл ему путь, который в 1492 году привел его к большому успеху.

С мая 1487 года Колумб получал от двора скромную ренту. В августе или сентябре этого же года его призвали в королевский лагерь в Малаге. Благодаря поддержке своего супруга Фердинанда Арагонского Изабелла начала последний бой многовековой войны, которую вели испанские христиане на своей земле против приверженцев Мухаммеда. Необходимо было разрушить последний оплот исламского величия, изгнав мавров из Гранады. С середины XIII века «реконкиста»¹ Кастилии едва ли продвинулась вперед. Тогда была завоевана Южная Андалусия с городом Кордова, великолепные мечети которой все еще свидетельствовали о величии халифата, и Севилья, где были сконцентрированы ремесленное производство и торговля иберийских мусульман. Заполонив юг, кастилианский поход приостановился, и верхняя Андалусия с Гранадой осталась

¹ Реконкиста — отвоевание народами Пиренейского полуострова в VIII—XV вв. территорий, захваченных арабами и берберами (впоследствии получившими общее название мавров). — *Прим. ред.*

мусульманской, где мавританские короли воздвигли в XIV веке Альгамбру, свою резиденцию в изощренно-декоративном, хотя и декадентском стиле, которая по сей день привлекает ежегодно многочисленных туристов. Малага была важнейшим портом Гранады. Отвоевывая город, католические монархи Фердинанд и Изабелла хотели отрезать его от моря. 18 августа 1487 года после изнурительной осады Малага капитулировала. И, конечно, Колумб добился этой королевской аудиенции в надежде, что Изабелла, освободившись от своих забот, положит конец его ожиданиям и предоставит ему достаточно средств для осуществления его «азиатской» мечты.

Но из этого ничего не вышло. Королева продолжала войну с Гранадой, стремясь всеми силами закончить ее. Казалось, что она на какое-то время даже потеряла его из виду. И это, вероятно, было одной из причин того, что он в начале 1488 года вновь установил связи с Португалией. Но, как уже известно, в Лиссабоне его ожидал новый удар. Вернувшись в Испанию, он послал своего брата Бартоломео в Лондон. Там он у короля Генриха VII отстаивал идеи своего брата, просил корабли, но получил отказ из-за недоброжелательного отношения королевских советников. Следующий шаг к французскому двору тоже не принес никакого успеха. Так и продолжал Бартоломео рисовать карты в Фонтенбло.

В конце 1491 года след Христофора в Испании затерялся. Вероятнее всего, нетерпение терзало его и он переживал мучительный период отчаяния, которое не могли смягчить ни Беатрис,

мать маленького Фердинанда, ни десятилетний Диего. Он погрузился в чтение книг, но так как он читал, преимущественно, труды по географии и космографии, то снова и снова возвращался к интересовавшему его предмету. Особенно много он читал Марко Поло и оставлял на страницах его книг многочисленные заметки. Подъем и воодушевление вдохновили Колумба и укрепили его в справедливости волновавших его идей. Кроме того, у него был итальянский перевод «Естественной истории» Плиния, изданной в 1489 году, труды Плутарха и Птолемея. Но обильные пометки на полях, кроме латинского издания Марко Поло, которое еще сегодня хранится в Колумбийской библиотеке в Севилье, еще встречаются в книгах «Imago Mundi»¹ Пьера д'Аилли и «Historia rerum ubique gestarum» Энеа Сильвио Пикколомини, который как папа известен под именем Пий II. Всего насчитывается не менее 2125 пометок.

Кардинал Пьер д'Аилли в 1410 году написал трактат по общей географии, еще до того как гуманисты вновь открыли Птолемея. Он следует Маринусу из Тира, который считал, что Азия простирается далеко на восток и отделяется от Европы только довольно узким океаном. В одной из своих последующих небольших записок, которые тоже были у Колумба, французский космограф высказывал даже мнение, что при благоприятном ветре этот океан можно пересечь за несколько дней. Генуэзец особо подчеркнул это место и добавил на полях пространное замечание. В «Imago Mundi» он комментирует или

¹ «Картина мира» (лат.)

выписывает те места, в которых говорится, что расстояние между Испанией и Индией не очень велико и что восток начинается недалеко от запада. Поля главы об Индии и Азии полностью исписаны пометками. Кажется, что изображение дорогих камней и металлов, слонов и других чудовищ, которые на каждом шагу появлялись в книгах, полностью загнипнотизировали Колумба. Он подчеркивал места, где речь шла об островах, полных жемчуга. На картах, нарисованных им самим, указаны места, где океан особенно узок.

В его издании «Historia rerum» Энеа Сильвио подчеркнут абзац, в котором говорится, что Азия простирается до широты Туля; то есть до широты Исландии. На полях другого абзаца, в котором китайцы изображены миролюбивыми существами, он заметил, что Китай расположен на краю Индии, «напротив Испании и Ирландии». Почти в 18 заметках он проявляет интерес к Великому хану, монгольскому императору Китая, который уже давно не правил страной, но упоминание о котором Энеа Сильвио нашел в более древних трудах. Все это доказывает одинаково лихорадочный интерес к западному пути в Азию!

В глубоком отчаянии Колумб думал о том, что ему придется покинуть Испанию, как он покинул и Португалию, и отыскать своего брата в Фонтенбло, чтобы при французском дворе снова пройти всю эту долгую цепь прошений, ожиданий и бесплодных надежд. Летом 1491 года он вновь посетил монастырь Рабида, может быть, для того, чтобы повидать своего маленького сына перед

отъездом, а может быть, чтобы взять его с собой. Настоятель монастыря Хуан Перес симпатизировал этому одинокому человеку, который носил в себе такую великую идею. Раньше он был на службе у королевы как исповедник. Он послал ей рекомендательное письмо с просьбой об аудиенции для Колумба. В это время королева находилась в Санта-Фе, в укрепленном городе, который христиане построили у Гранады во время осады столицы мавританского королевства. В эти годы продолжалась война против последних остатков иберийского ислама. У королевы была одна лишь мысль: покончить с «реконкистой» и объединить наконец Испанию. Эта цель казалась ей достижимой. Вероятно, королева призвала Хуана вначале ко двору, а спустя некоторое время послала непосредственно Колумбу требование тоже прибыть туда. Вместе с этим она велела послать ему 20 000 «мараведи», чтобы он мог появиться при дворе в надлежащем виде. Наверное, Перес сказал ей, как беден генуэзец.

И вновь была созвана комиссия ученых. Ее состав был на этот раз несколько изменен и показался Колумбу настроенным доброжелательно. Но решение должно быть утверждено королевским советом Кастилии, поэтому Колумб взял здесь совершенно другой тон. Пали первые преграды, которые так долго держали его в состоянии безнадёжности и отчаяния. Ему казалось, что все должны осознать наконец все значение его услуги, которую он решил оказать Кастилии, а также и огромную опасность, которой он добровольно подвергался. Поэтому он потребовал от королевского

Изабелла — королева Испании

совета пожаловать ему почести и высокие титулы и, кроме того, в случае успеха — значительное жалование. Конечно, таким образом он хотел отомстить за все те унижения со стороны придворных и правителей, которые он испытывал в течение долгих шести лет. А может быть, он хотел разыграть свой последний триумф в Испании, потому что в тот момент, когда Хуан Перес решил помочь ему и вызвал его в Санта-Фе, он уже был готов попытаться счастья во Франции.

2 января 1492 года пала Гранада, и Колумб принимал участие в торжественной процессии, которая входила в крепость. Но спустя некоторое время ему сообщили, что совет Кастилии отклонил его требование.

Последнее решение оставалось за королевой, и в этот момент Колумб нашел нового защитника в лице Луиса де Сантанхеля, казначея короля Фердинанда. Генуэзца, уже покинувшего двор, вернули. Сантанхель задел чувствительную струну: он объяснил королеве, что если она не поддержит Колумба, то ей грозит опасность увидеть, как другие короли будут владеть землями, которые откроет Колумб и — что еще хуже — впасть в немилость богов за то, что она не помогла ввести там истинную веру. В остальном, что касается денег, то он, Сантанхель, в состоянии финансировать путешествие.

Почему же этот арагонец, который даже не состоял на службе у Изабеллы, а служил ее супругу, с таким рвением вступился за Колумба? Вначале, вероятно, потому, что он охотно испытывал судьбу и верил, что это было стоящим предложе-

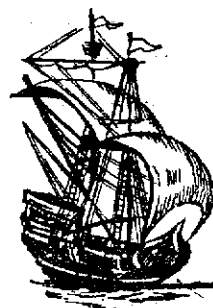
нием. Кроме того, он считал возможным, что Колумб откроет новые земли и богатства. Таким же было и мнение комиссии ученых, во всяком случае, в ее измененном составе, так как они в конце концов согласились с идеей генуэзца. Как и все казначеи правителей того времени, Сантанхель был деловым человеком и имел связи с торговыми людьми Генуи. Один из них, Франческо Пинелли, которого в Испании называли Пинело, был его коллегой в придворной администрации. Вместе с ним он управлял казной священной Эрмандадой¹, своего рода политической полиции государства. Вместе они договорились вложить в путешествие Колумба 1400000 «мараведи». Другие генуэзцы, которые были наверняка проинформированы Пинелли, открыли кредит в 150000 «мараведи» на имя Колумба. Но так как ему нужно было в общем и целом 2000000 «мараведи», не хватало еще 350000 «мараведи», которые смог достать сам Сантанхель, вероятно, в виде аванса из казны Арагона. Конечно, такое урегулирование предусматривало определенное предварительное соглашение, и посредником при этом был Пинелли. Создается впечатление, что без этого генуэзца Сантанхель не мог бы получить деньги у эрмандады и одновременно найти поддержку других генуэзцев. Таким образом, за спиной у Колумба стояла не очень многочисленная, но влиятельная группа финансово заинтересованных людей, и представителем этой группы перед королевой был Сантанхель. Пинелли, со своей стороны, не

¹ Эрмандада — союз городов и крестьянских общин, возникший в Испании, выполнял полицейские функции. — *Прим. ред.*

упускал из виду это восточноазиатское дело. В 1503 году он уже был одним из основателей Торговой палаты («Casa de Contratacion»), которая управляла торговлей с Индией.

Так вдруг были устранены последние препятствия. Теперь нужно было чиновникам оформлять документы об условиях договора между короной и будущим исследователем. В привилегиях, о которых пойдет речь в следующей главе, Фердинанд и Изабелла назначают Колумба адмиралом на всех островах и на материке, которые он откроет, и этот титул должны унаследовать его потомки. «Дон» Кристоаль Колон, благодаря этому титулу принятый в испанское дворянство, будет вице-королем и губернатором всех островов и земель и имеет право предлагать власти трех кандидатов на все должности, которые должны быть предусмотрены там. Он должен был получать десятую часть всего того, что добудет в новых землях, и если он уплатит восьмую долю расходов, то получит право на такую же долю в прибылях от торговых договоров. Кроме того, ему выдали паспорта и верительную грамоту для государей Востока.

Итак, все было сделано для непосредственной подготовки к путешествию. Но прежде чем рассказать о них, нужно кратко остановиться на значении тех шагов, которые предприняли католические короли на пользу Колумбу, и на их роли в дальнейшей истории западного мира.

КОЛУМБ И ВЛИЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА КОЛОНИЗАЦИЮ АМЕРИКИ

Когда Их Католические Величества 17 апреля 1492 года в лагере Санта-Фе, откуда они руководили осадой Гранады, заключали с Колумбом договор, в котором были изложены его права, они сделали шаг, во многом превосходящий их личные полномочия и полномочия первооткрывателя и всех его современников. Этим они подготовили вступление средневекового европейского наследия в Америку.

То, что Колумб потребовал и получил от Фердинанда и Изабеллы, были, с одной стороны, старые феодальные права, с другой стороны, экономические выгоды, носившие, в основном, традиционный характер.

Испанские короли и раньше были в подобной ситуации. Уже не в первый раз они должны были предоставлять особые права завоевателям или исследователям новых земель. В 1480 году они заключили с Альфонсо де Квинтанилла и Педро Фернандесом Каброном договор о завоевании Гран-Канарии, но при подписании договора они даже не оговорили свои королевские права, как, например, еще Хуан II Кастильский в пользу Аль-

фонсо де Лас Казаса, когда тот отправился на завоевание большей части Канарских островов. В 1480 году Фердинанд и Изабелла особенно стремились к сохранению своих королевских прав и оставляли открытыми пути для централизованной политики.

В 1492 году Колумб, в полном смысле этого слова, повернул прошлое назад. Он обратился к средневековым примерам и потребовал таких же прав адмирала и вице-короля Индии, как у адмирала Кастилии и вице-короля арагонских владений Испании и Италии.

Необходимо на несколько минут остановиться на заимствованных из прошлого привилегиях, которых хотел добиться Колумб.

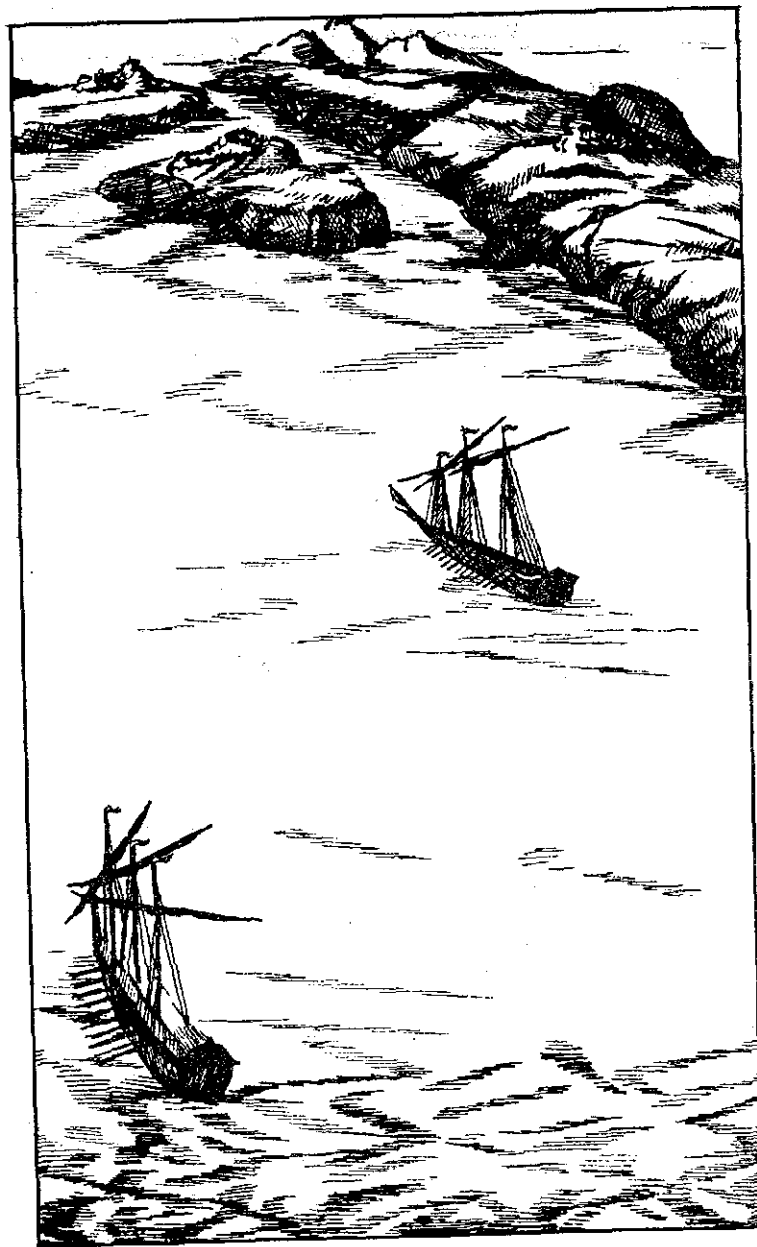
Уже в день подписания договоров в Санта-Фе по требованию великого генуэзца был составлен документ с перечислением всех прав адмирала Кастилии, которые и принял сам Колумб. Несколько лет спустя, в 1497 году, во время его третьего плавания, Колумб потребовал копию всех прав, которые признавались за адмиралом Кастилии в течение этого времени. Из этого документа, который действительно был составлен в следующем году, исходит ранее названная привилегия 1405 года. Таким образом, можно проследить ряд его средневековых предшественников вплоть до того времени, когда права суверенов и высокопоставленных лиц кастильской короны были намного шире, чем во времена открытия Америки. Простое происхождение Колумба не помешало ему сознательно присоединиться к феодальным традициям. Сознательно в полном смысле этого слова,

потому что, когда он заметил, что ему представили неполный список прав адмирала Кастилии, он поспешил заполнить пробелы, возвращаясь даже к XIV веку. Такими важными казались ему, основателю Нового Света, все средневековые прецеденты.

Нет нужды проследивать здесь весь путь развития прав адмирала Кастилии, которые послужили отправным пунктом и примером для адмирала океана. Достаточно сказать, что Колумб, получивший этот титул в 1492 году, всего лишь продолжает традицию, созданную прежде другими генуэзцами, как Бенедетто Заккариа и оба Бокканейра, бывшие адмиралами Кастилии, или шесть Песаньо, которые были на службе в Португалии с 1317 года.

Отсюда следует, что Средневековые продолжают жить, отчасти потому Колумб объединил свою должность с должностью адмирала Кастилии и продолжил тем самым традицию Энрикес, которые были адмиралами с правом наследования и принадлежали к высшей кастильской знати. Как и они, Дон Кристоаль Колон, так он стал называть себя с 30 апреля 1492 года, считал, что все морские дела и договоры находятся под его началом и в его власти согласно привилегии 1399 года для адмирала Кастилии. В слове власть хорошо просматривается феодальный характер, благодаря которому адмиралы Кастилии смогли придать своей должности такое большое значение, когда централизованная власть потеряла свое могущество. Именно эти права первооткрыватель пытался позже сохранить в Америке.

Но само собой разумеется, он так же мало придерживался средневековых традиций, которым, по его утверждению он следовал, как и Католические короли. Об этом свидетельствуют следующие примеры. Адмирал Кастилии имел право на одну треть всех грузов кораблей, которые покидали гавани империи, и на такую же часть любой прибыли, которую получал флот. Колумб же имел лишь восьмую долю от грузов и десятую от прибыли. Этого ему казалось мало, хотя он уже и добился значительных льгот. Поэтому он предложил решение, типичное для дельца, знающего все тонкости участия в торговых сделках, как это мог знать лишь тот, кто раньше работал вместе с Чентуриони, Спинола и ди Негро. Он потребовал восьмую и десятую части, которые ему были обещаны, и еще треть, что в общем и целом составляло более 55%. С экономической точки зрения это было настоящим грабежом, и, вероятно, Колумб в своем стремлении к прибыли — пользуясь в то же самое время преимуществами своих средневековых предшественников, — забыл, что монархия Кастилии была властью, направляемой твердой рукой на централизацию и абсолютизм. Иногда властители колебались, и преимущества, которые получал Колумб в результате переговоров, служат тому доказательством. Но монархи умели снова овладевать ситуацией. Кроме того, претензии Колумба казались им преувеличенными, и в действительности он получал на 10% меньше, чем его кастильские предшественники. В требованиях Колумба ясно просматривается средневековая традиция как в области управления, так

и в торговле. Властители же, напротив, пытались освободиться от нее, где только это было возможно.

Разногласия между средневековой традицией и централизованной монархией продолжались и в Америке во время большей части испанской колонизации. И если в конце концов централизованная власть одерживала победу над центробежными силами, заимствованными из Средневековья, то происходило это не без их признания и не без присвоения значительной части, причитавшейся ей по праву. Вернемся еще раз к исходному моменту, к переговорам в Санта-Фе. Если даже Колумб добился всех возможных преимуществ в отношении титула адмирала, то это никоим образом не относится к титулу вице-короля. В этом случае отсутствие четко представленных средневековых примеров пошло монархии на пользу, по меньшей мере в политике Кастилии, так как вначале была ограничена власть вице-короля одновременно во времени и пространстве, что лишило его тем самым феодальных и наследственных прав, положенных по титулу адмирала океана. Но в течение тринадцати дней, отделявших переговоры от назначения, произошли резкие изменения. С 30 апреля перестал быть наследственным не только титул адмирала, но и должность вице-короля и губернатора.

Право наследования звания адмирала, вице-короля и губернатора в дальнейшем еще больше укрепилось в руках Колумба. В 1497 году он получил все полномочия установления прав первородства, распространяющиеся на все его владения, вассалов, наследственные права и выполнение дол-

жностных обязанностей. Объяснение, на основе которого королевская канцелярия гарантировала ему эти права, было таким же, по которому признаются права хозяина на владения, полученные от короля. Ничего не было более средневекового или феодального.

Вдохновленный этой новой привилегией Колумб свое наследство привел в порядок завещанием. Он распоряжался своими правами так, как будто бы они были пожалованы ему на условиях лена. Раньше большие влиятельные семьи точно так же освобождались от королевского влияния, насколько это было возможно по феодальным представлениям. Колумб, будучи простого происхождения, но уже пять лет назад причисленный к дворянскому сословию, пытался расширить свои права и права своих наследников. Своим владениям Колумб старался придать особый характер. При этом он настаивал на том, чтобы эти наследственные владения могли считаться утерянными лишь вследствие государственных преступлений. Это было соглашение между ним и королем как между сюзереном и вассалом.

В 1492 году и позже испанские повелители испытывали на себе гораздо большее влияние Колумба, чем им этого хотелось бы. Говорили, что от Колумба в определенное время исходила какая-то гипнотическая сила, которой подвергались даже короли. Но во время его отсутствия эти чары исчезали, и каким же было пробуждение, какой переворот в ситуации!

Как только представлялся случай, правители предпринимали испытанные меры. Они поручали

судебным следователям, наделенным особыми правами, защищать их интересы. Как в Европе, так они впоследствии поступали и в Америке. Далее можно будет увидеть, как этими правами пользовался Франсиско де Бобадилья. Но, кстати сказать, в этом не было ничего особенного. Это была нормальная реакция центристской политики на действия высокого сановника с феодальными взглядами. С началом колонизации история протекает параллельно по обе стороны океана, и это направление исходит из одной общей точки, из европейского Средневековья.

Последующие наблюдения должны убедительно доказать, что Колумб привез в Америку Средневековье, это касалось его самого и чинов, которыми он обладал. Окружавшим его людям были предоставлены те же средневековые права, и в Америку они были перенесены в той же форме, которая была принята в Позднее Средневековье. Это в полной мере относится и к его брату, «adelantado»¹ Бартоломео Колубу, и его потомкам, прямым наследникам кастильских и леонских чиновников, вышедших из иберийской «реконкисты» XIII века. Это относится и к «alcalde mayor»² Франсиско Ролдану, бунтовщику 1499 года, о котором мы еще узнаем позднее, и его потомкам. Здесь мы коснулись лишь особенностей мира чиновников, которые играют важную, хотя и не самую главную роль. Но именно они оказали зна-

¹ adelantado (исп.) — в данном случае: губернатор провинции. — Прим. ред.

² alcalde mayor (исп.) — градоначальник, мэр, председатель муниципального совета. — Прим. ред.

чительную помощь королевской власти в подавлении автономистских тенденций феодализованной династии Колумбов. Эти люди, большинство из которых принадлежали к низшим дворянским слоям, не пользовались никакими феодальными правами. Но Колумб, едва покинув городское общество, вел себя как средневековый сюзерен и пытался добиться большей самостоятельности по отношению к короне. Его подчиненные, напротив, были верными представителями монархии. Для них это было единственной возможностью укрепить свои собственные силы за счет королевской власти. В ходе последующей борьбы каждый стремился получить как можно больше прибыли, а в конце концов и связанную с ней корону. Эти проблемы встают обычно на традиционном фоне конфликтов Позднего Средневековья между централизованной властью и отдельными силами. Их развитие будет продолжено по другую сторону океана. Но направление, по которому пошла история Старого и Нового Света, было вначале одинаковым.

Это уже было заметно во времена Колумба. Но стало еще более очевидным во всех делах колониального правления в последующие эпохи и не только в испанских владениях в Америке, но и во всех колониях, основанных на этом континенте различными колониальными державами. Формы правления, связанные в Америке с многочисленными земельными пожалованиями, будь это в португальской Бразилии, английской Виргинии, во французской Канаде или на голландских Антильских островах, везде они настолько феодаль-

ные, что можно говорить о принятии ленного права в области колониализма как о принятии римского права в Европе.

Но когда говорят о рецепции, то думают о развитии и о живом, движущемся процессе приспособления. Все то, что Колумб и вместе с ним кастильское правительство ввели в Америке по части средневековых методов правления, прижилось там и приобрело постепенно новую форму. Это же относится и к нововведениям других колониальных держав. Но это развитие трудно понять, если рассматривать его отдельно от европейских и средневековых источников.

Личность Колумба представляется особенно четко, если ее рассматривать как живую человеческую связь между старым европейским государством средневековья, с одной стороны, и новым колониальным миром Америки — с другой. Проанализировав один из первых и самых важных мотивов его исторической роли в ходе введения Нового Света в западную цивилизацию, можно продолжать начатое повествование.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

22 мая 1492 года Колумб снова прибыл в маленькую гавань Палоса в устье Рио-Тинто, но на этот раз не как проситель. У него было королевское предписание городу Палосу предоставить в его распоряжение три каравеллы. Согласно приказу корабли должны были быть готовы в течение десяти дней, однако потребовалось десять недель, прежде чем приготовления к путешествию были завершены.

Из трех кораблей, «Нинья», «Пинта» и «Санта-Мария», первый представлял собой маленькое судно с отличным быстрым ходом. «Нинья» участвовала во всем первом плавании, во втором и в третьем, но неизвестно, вернулась ли она после последнего плавания. Она имела водоизмещение примерно 60 тонн или немного меньше, 70 футов в длину, но это не совсем точно. Ее осадка была незначительной. Определенно только одно, что все корабли были однопалубными. Снасти «Ниньи» состояли первоначально из треугольных латинских парусов, но на Канарских островах Колумб велел заменить их прямоугольными парусами на

двух мачтах, чтобы увеличить ее скорость. С тех пор «Нинья» была самым быстроходным парусником из этих трех судов.

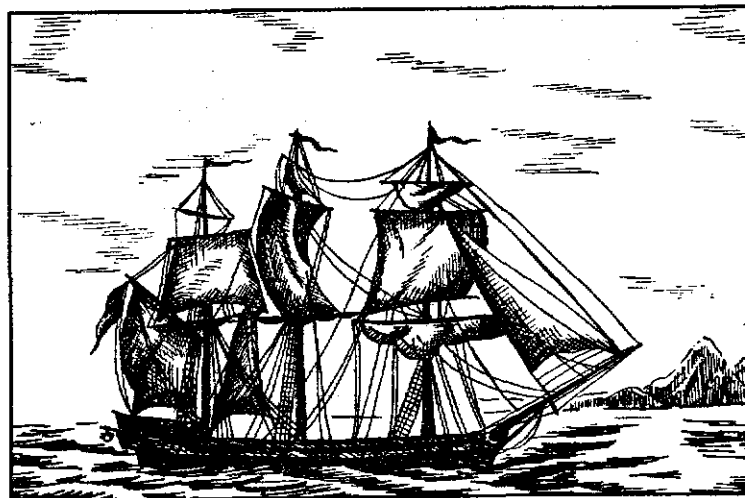
На «Пинте» с самого начала были прямоугольные паруса. Она принадлежала некоему Кристобалью Кинтеро из Палоса, а владельцем «Ниньи» был Хуан Ниньо из Могера. «Пинта» была, вероятно, несколько больше «Ниньи». Один из матросов ее экипажа первым увидел Новый Свет. Она была и первым кораблем, который вернулся в Старый Свет.

В отличие от обоих маленьких кораблей, «Санта-Мария» была построена не в одной из гаваней Рио-Тинто, а в Галисии, на северо-западе Испании. Колумб арендовал ее у ее владельца Хуана де ла Коса из Сантоны в провинции басков. Она была не очень хорошим парусником, и ее осадка была слишком большой для плавания в не очень глубоких водах у Антильских островов, где она и погибла. Это была не каравелла, как два других судна, а «нао», более тяжелый и громоздкий корабль около 100–110 тонн.

На таких маленьких кораблях условия жизни были очень примитивными. Лишь у капитана было отдельное жилое помещение. Его люди спали, где только могли найти место, иногда прямо на палубе между орудиями, бомбардами и фальконетами, из которых стреляли каменными ядрами или картечью.

Кто же представлял офицеров и команду?

Об этом известно несколько лучше, чем о кораблях, особенно, что касается имен. Есть сведения и о личности некоторых из них.

«Нинья»

Мартин Алонсо Пинсон, капитан «Пинты». В год отплытия ему было 45–50 лет. Он происходил из состоятельной семьи в Палосе. В первом плавании принимали участие и другие члены его семьи. Вторым офицером Мартина Алонсо был его брат Франсиско Мартин, а младший брат Висенте Яньес командовал «Ниньей». На «Пинте» были трое Пинсонов, так как один из их двоюродных братьев по имени Диего был там матросом; почти семейство. Но вскоре это обернулось для Колумба неприятностями.

По всей видимости, у Мартина Алонсо Пинсона с самого начала было желание самому открыть Сипанго, описанную Марко Поло, поэтому он и принимал участие в экспедиции Колумба. Этим и объясняется его постоянное неповиновение. Висенте Яньес, несмотря на свои 30 лет, был отлич-

ным моряком и прекрасным работником. Позже, в 1499 и 1500 годах он предпринял самостоятельное путешествие и открыл Амазонку. Его двоюродный брат Диего тоже принимал участие в этом плавании, но это уже было после того, как он сопровождал Колумба в его третьем путешествии в 1498 году.

В то время как Пинсоны были жителями Палоса, соседний город Могера представляли моряки с «Ниньи». Хуан, старший, был владельцем «Ниньи» и был вторым офицером у Винсенте Яньеса Пинсона. Пералонсо был кормчим на «Санта-Марии». Позже его назначили главным кормчим Кастилии. В 1499–1500 годах он самостоятельно исследовал Жемчужное побережье.

Франсиско Ниньо, будучи во время первого плавания Колумба простым матросом, во втором путешествии стал кормчим и принимал участие в четвертом плавании. Эти трое Ниньо и некоторые другие, принимавшие участие в следующих путешествиях Колумба, были самыми лояльными и способными его помощниками. Хуан Ниньо был ему особенно близок, и после возвращения из первого плавания он принимал участие в торжественном приеме в Барселоне.

Кристобаль Квинтеро из Могера, как уже упоминалось, был владельцем «Пинты», которой командовал старший Пинсон. Во время третьего путешествия он был вторым офицером на борту корабля адмирала. Хуан Квинтеро, корабельный унтер-офицер «Пинты», принимал участие во всех четырех путешествиях.

Благодаря исследованиям, проведенным Алисей Баче Гоулд, сейчас известны имена 87 из 90 членов экипажа первого путешествия. Около 40 из них были на «Санта-Марии», по 25 на каждом из обоих меньших кораблей. Четверо из них не были испанцами: один португалец из Тавиры, генуэзец, калабриец и венецианец. Испанцы — за исключением одного моряка из Мурсии и десяти басков и галисийцев, прибывших на «Санта-Марию» с севера, — из провинции, к которой относились Палос и Могера, или из андалусских городов Севилья, Кадис, Херес, Пуэрто-Санта-Мария и даже из Кордовы. Можно заключить из этого, что большинство из них было из центральной части страны. В своем основном составе экипаж первого плавания Колумба был из Андалусии.

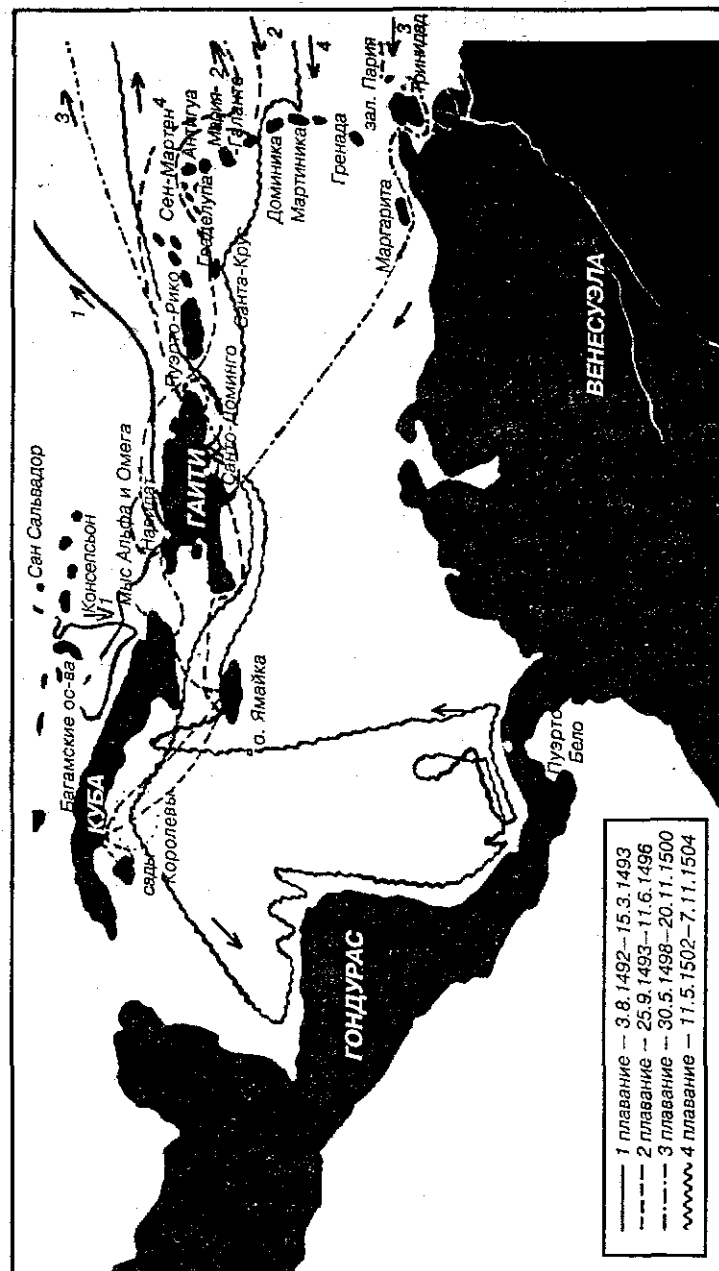
На каждом корабле судьба экипажа находилась в руках капитана, второго офицера и кормчего. Колумб, капитан «Санта-Марии», был одновременно и главнокомандующим всей маленькой эскадры. Его ближайшим помощником был Хуан де ла Коса, владелец «Санта-Марии» и Пералонсо Ниньо, кормчий. На «Пинте» под командованием Мартина Алонсо Пинсона вторым офицером был Франсиско Мартин Пинсон и Кристобаль Гарсиа Сармьенто кормчим. На «Нинье» капитаном был Висенте Яньес Пинсон, Хуан Ниньо — вторым офицером и Санчо Руис де Гама — кормчим.

Предполагали, что Хуан де ла Коса, владелец «Санта-Марии», был и картографом, имевшим такое же имя, который в 1500 году нарисовал знаменитую карту мира. Это, однако, невозможно, так

как известно, что картограф принимал участие во втором плавании на «Нинье», тогда как названный первым Хуан де ла Коса именно в это время перевозил пшеницу между Андалусией и баскской провинцией Гипускоа. В документе от февраля 1494 года, из которого заимствованы данные сведения, ясно сказано, что он потерял свой корабль в Индийской Америке. «Санта-Мария», владельцем которой был названный первым Хуан де ла Коса, погибла именно во время первого плавания в Америку. Эти сообщения ясны и достоверны.

Кроме офицеров, в экспедиции принимал участие толмач¹, крещенный еврей Луис де Торрес, который немного знал по-арабски. Предполагали, что этот язык им будет необходим для переговоров с восточными князьями. На каждом корабле был и свой «alguacil» (полицейский чиновник). На «Санта-Марии» исполнять эту должность Колумб назначил Диего де Гарану, кузена своей любовницы Беатрис. Для составления официальных документов, таких как объявления об овладении открытыми во время плавания островами, эскадру сопровождал «escribano» (секретарь). В его обязанности входило в случае необходимости вести переписку с иностранными правителями. Но ничего не было сказано о том, что он владел другими языками. Даже и с помощью толмача Луиса де Торреса с правителями Китая и Японии он мог бы общаться только на еврейском или на ломаном арабском. «Veedor», королевский контролер, должен был следить за соблюдением прав коро-

¹ Толмач — переводчик.

Плавания Колумба

ны, так как надеялись добыть много золота и драгоценных камней. На каждом корабле был и свой хирург, но, к счастью экипажа, во время этого плавания ему почти нечего было делать.

Станным образом во время первого плавания на борту не оказалось ни одного представителя духовенства. Но все члены экипажа, от главного командующего до последнего матроса, исповедовались в день отъезда и причащались. Рано утром, в пятницу, 3 августа 1492 года, Колумб вышел из гавани Палоса и на трех каравеллах взял курс на океан.

Генуэзец планировал сначала подойти к Канарским островам, так как этот путь был хорошо знаком уже полтора столетия. Следуя тогдашней географии, он находился там на широте Японии, долгожданного Сипанго. А потом его отнесло ветрами...

Облик мира изменило удивительное смешение заблуждений и счастливых случайностей. Если бы Колумб взял курс немного севернее, то его постигла бы та же участь, что и фламандца ван Ольмена несколько лет тому назад, и он не открыл бы Америку. А может быть, во время своего путешествия в Гвинею он заметил, что у Канарских островов ветры дуют на запад, но как далеко? Этого он в любом случае не знал. Поэтому не только попутные ветры — счастливая звезда вела его.

Спустя шесть дней на горизонте появился остров Гран-Канария, в то время как обычно для подобного расстояния необходимо восемь или десять дней. Там Колумб оставил «Пинту», руль которой часто ломался и его нужно было отре-

монтировать, а сам продолжал свой путь на «Санта-Марии» и «Нинье» до острова Гомера. 12 августа он прибыл туда и пополнил свои запасы. Но так как «Пинта» не следовала за ними, он вынужден был вернуться в Лас-Пальмас, столицу Гран-Канарии, здесь он узнал, что Пинсон из-за плохой работы руля две недели блуждал по морю, прежде чем смог войти в гавань. Ремонтные работы шли полным ходом, и это время использовали для того, чтобы сменить оснастку на «Нинье».

В пятницу, 1 сентября 1492 года, маленькая эскадра покинула наконец Лас-Пальмас и прибыла на следующий день в Сан-Себастьян, гавань Гомеры. Рано утром 6 сентября Колумб оставил Старый Свет далеко позади себя и отправился в неизвестность. По крайней мере, он надеялся на это. На самом же деле ветры противоположного направления отнесли его назад. Лишь в три часа утра 8 сентября он достиг зоны ветров, которые понесли его на запад. Вечером 9 сентября земля полностью скрылась за горизонтом.

С этого момента дни и ночи отличались у моряков только сменой вахты на корабле. Лично у Колумба они отличались по молитвам, которые он читал по своему молитвеннику. Может быть, это был тот самый молитвенник, который еще и сегодня хранится в библиотеке Линкеи в Римской академии. В своем путевом дневнике, дошедшем до нас не в оригинале, а в копии и написанном живым и выразительным языком, Колумб записывал общие молитвы, которые, следуя старому обычаю, читали на борту кораблей: на восходе

солнца — *Salve Regina*, утром — молитва, читаемая одним из молодых матросов. Ее текст Колумб не приводит, но он известен из других источников. За ней следуют — *Pater noster* и *Ave Maria*. Самая короткая молитва — не литургическая. Она возникала в глубине души моряков, которые после благополучно пережитой ночи были рады снова увидеть свет солнца на спокойном или бурном, но всегда опасном море:

«Слава свету и святому кресту и Господу нашему праведному и святой Троице. Слава душе нашей и Господу, подарившему ее нам. Слава дню и Господу, пославшему его нам».

За обедом, который обычно готовили молодые матросы, пили вино или воду. Обед включал в себя сухари, соленое мясо или рыбу, сыр, бобы, чечевицу, приготовленную с оливковым маслом и чесноком.

Свое местонахождение Колумб определял по простому квадранту. Он представлял собой деревянный сегмент круга в 90° , на одном из прямых углов которого с помощью двух искателей визировали звезду, служащую ориентиром, а свисающий с острия свинцовый отвес на дуге в 90° показывал высоту. Из-за свинцового лота этот навигационный прибор на движущемся корабле работал не очень точно.

С определением долготы дела обстояли еще хуже. Так было и после Колумба, вплоть до изобретения хронометра в XVIII веке. Когда Колумб открыл Америку, на борту корабля не было никаких особых приборов для определения долготы. Направление устанавливали по компасу, вре-

мя измеряли при помощи песочных часов; определяли расстояние, пройденное за указанное время, и полученную точку наносили на карту. Конечно, расхождения между магнитным и географическим севером играли большую роль, но на счастье Колумба его плавание проходили в зонах очень незначительного отклонения. Этому способствовал также и тот факт, что корабли были деревянными и на них было не так уж много металлических предметов. Для измерения долготы нужно было знать скорость корабля, но лаг и его узлы были изобретены лишь в XVI веке. Во времена Колумба скорость определяли глазомером. На его карте не были обозначены широта и долгота.

В ночь с 7 на 8 сентября, когда они находились между островами Гомера и Тенерифе, Колумб начал отмечать пройденное расстояние. Так как он все время придерживался одного и того же направления, это было не очень трудно делать. Намного сложнее было на обратном пути, когда он часто должен был менять курс. И в результате он прибыл не в Испанию, а в Португалию. Такими были сюрпризы и опасности навигации по собственным оценкам. Но, как можно будет видеть в дальнейшем, Колумб относился к людям, умеющим свести к минимуму подобные сюрпризы и опасности. У него был ярко выраженный дар наблюдений за всеми приметами, которые моряку дает природа на небе и на море, а его физические и духовные силы, его выносливость были ни с чем не сравнимы.

Во время его первого плавание, изменившего представления о лице мира, навигация была до-

вольно примитивной. В достижении больших успехов Колумбу сопутствовало счастье. Не было ни одного шторма, ни одного штгиля, лишь несколько дней менялось направление ветра. Трудности, с которыми генуэзец мастерски справлялся, были, прежде всего, морального и общечеловеческого свойства. Он знал, что в любой момент команду может сковать страх, так как они были уже очень далеко от земли. На официальной карте он помечал более короткие расстояния по сравнению с теми, которые они, по его мнению, проходили. Лично для себя он держал другую карту. Ошибки в оценках допускали в то время все. Но на основе записей об обеих картах в его дневнике можно определить, что он меньше ошибался там, где хотел ввести в заблуждение других, чем там, где отмечал, по его мнению, истинное положение дел. Во всяком случае, эта хитрость частенько оказывала ему неоценимую услугу.

Море было голубым и искрилось на солнце, высоко над мачтами величественно проплывали облака, теплый воздух надувал паруса. 16 сентября Колумб писал: «Утро великолепное, погода, как в апреле в Андалусии, недостает лишь пения соловья». В этот день они вступили в Саргассово море, море с плавающими водорослями. 21 и 22 сентября казалось, что они плывут по бескрайнему желто-зеленому лугу. Но вскоре, привыкнув, они уже не чувствовали такого беспокойства.

Между тем эскадра шла примерно на 28 градусах широты. Незначительные отклонения стрелки компаса на северо-запад обеспокоили коман-

ду, но, все основательно обдумывая, Колумб вносил необходимые коррективы.

Некоторое время дули лишь слабые ветры. 25 сентября Мартину Алонсо Пинсону показалось, что он видит землю. Но это было всего лишь облако. С 26 сентября по 1 октября они прошли 382 мили, тогда как в самом начале они проходили по 174 мили за сутки. Океан был настолько спокоен, что команда заскучала и начала роптать. У них, вероятно, было и что похуже на уме, так как однажды Колумб спокойно сказал им, что они могут даже и убить его, но это вряд ли принесет им пользу. Их всех казнят, если они вернутся в Испанию без него. Затем он начал говорить о богатствах, ожидающих их на Востоке, о наградах, которые они могут получить по возвращении.

В первую неделю октября скорость заметно увеличилась, примерно до 142 миль в день. Направление немного изменилось на юго-запад, отчасти из-за отклонения компаса. К счастью, конечно, иначе 12 октября Америка не была бы открыта. 7 октября на «Нинье» снова показалось, что они увидели землю. Стали встречаться большие стаи птиц, обычно летящих в это время из Северной Америки на Бермудские острова, и Колумб решил следовать этому знаку с небес. Это было очень важным решением, так как эскадра, отнесенная Гольфстримом к берегам Флориды, могла потерпеть крушение. Даже если удалось бы им избежать водоворота, их понесло бы течением вдоль берегов современных Соединенных Штатов Америки, и в лучшем случае они то под парусами,

то по течению могли бы отправиться обратно в Европу, лишь издали увидев берега, но ничего не открыв. Стаи птиц приподняли завесу, закрывавшую западному человеку Новый Свет.

За двести миль до Багамских островов, то есть за два дня до великого открытия, 10 октября, плавание чуть не закончилось безо всякого результата. На борту все время возрастало напряжение. Несмотря на стаи птиц, земли не было видно. Колумб был вынужден даже пообещать, что вернется в Испанию, если в течение двух-трех дней они не увидят берег. Что же случилось? 9 октября, когда море было совершенно спокойным, трое капитанов, Колумб и оба Пинсона, совещались на борту «Санта-Марии». Пинсоны хотели повернуть обратно, но дали себя уговорить. Подслушивал ли кто-либо у двери? Во всяком случае 10 октября, когда поднялся ветер и «Санта-Мария» стала быстро продвигаться вперед, экипаж охватил страх. Колумб вынужден был пообещать в случае необходимости повернуть назад.

11 октября ветер усилился, и скорость увеличилась еще больше. Появились новые приметы близости земли. Мимо проплыла зеленая ветка с маленьким розовым цветком и обтесанная палка. Значит, где-то близко должны были жить люди. На следующую ночь луна освещала море далеко впереди кораблей. Все затаили дыхание, боясь прибрежных рифов.

Рано утром Родриго де Триана, стоявший на вахте у носовой надстройки «Пинты», вдали на западе увидел песчаный берег. «Земля, земля!» — закричал он. В шести милях от них была Америка.

Из предосторожности Колумб дал команду убирать паруса и дожидаться дня подальше от рифов. На восходе солнца они увидели островок в Багамском архипелаге — коралловый остров длиной двадцать и шириной десять километров, 24 градуса северной широты и 74,30 градуса восточной долготы.

На западном побережье в бухте Фернандес Колумб с двумя другими капитанами сошел на берег. Они упали на колени и со слезами на глазах целовали землю. Первым поднялся Колумб и дал острову имя Сан-Сальвадор, в честь Спасителя, защитившего их.

С развернутым королевским стягом он сел в лодку «Санта-Марии». Среди нагих дикарей, собравшихся на берегу, он подозвал секретаря

Родриго де Эскобеда, а также «veedor» Санчеса де Сеговия, королевского представителя, и объявил перед ними о введении острова во владения Католических королей. Все присутствующие христиане торжественно поздравили его как адмирала Океана и вице-короля Индии, представляющего корону. Таким образом, этот титул впервые обрел свое существование не только на бумаге. Но индейцы, конечно, не знали, что теперь они стали подданными далеких повелителей, под власть которых попадут миллионы их братьев по расе, которых они тоже не знали. Они только разглядывали красные шляпы и стеклянные жемчужины, подаренные адмиралом.

14 октября Колумб покинул эту приветливую и дикую землю и отправился на поиски Сипинго, так как он был убежден, что открыл первый остров азиатской Индии. Теперь он хотел отыскать описанный Марко Поло богатый остров сокровищ. К вечеру он достиг острова Санта-Мария-де-Консепсьен, современный Рам-Ки. На следующее утро они посетили второй остров, а затем Фернандину, современный остров Лонг-Айленд. Это была узкая полоса — 60 миль длины и четыре мили ширины. Повсюду испанцев встречали довольно приветливо. Индейцы, поднимавшиеся на борт, довольны наслаждались сахарным сиропом, так как еще не пришло то время, когда на Антильских островах начали возделывать сахарный тростник. Это был более поздний дар колонистов, а черные рабы были их гибельным последствием. На Лонг-Айленде европейцы открыли для себя га-

маки, миролюбивый подарок индейцев западной цивилизации. ✓

Колумб переезжал с одного острова на другой и в благоприятных местах становился на якорь. Индейцы, которых он либо брал с собой с их согласия, либо загонял силой, постоянно твердили ему о короле, владевшем богатыми запасами золота и пряностей. Это мог быть Великий хан, для которого у Колумба были верительные грамоты. Он должен был править на Кольбе, или Кубе, а Куба была для него Сипанго. 27 октября с наступлением ночи адмирал увидел гористое побережье. На следующее утро он вошел в широкую реку с цветущими берегами и певчими птицами. Но где же храмы и дворцы Сипанго?

Если это не Япония, то, значит, Китай. 29 октября Колумб поднял паруса и направился к Кинсаю, большой китайской гавани, обозначенной на картах, о ней так часто рассказывал венецианский мореплаватель. Но повсюду он находил лишь селения аборигенов и никакого золота. Ему рассказывали о Кубанакан, одной из центральных областей Кубы, и он полагал, что речь идет о Великом хане. В глубь страны был послан отряд под началом толмача Луиса де Торреса, крещеного еврея, который немного говорил по-арабски. У Торреса был латинский паспорт, его сопровождал некий Родриго де Херес, посетивший некогда короля негров в Гвинее. Проводниками служили два индейца.

Между тем адмирал с помощью деревянного квадранта определил свое местонахождение и установил, что он должен находиться на 42 градусе

северной широты. Он ошибался более чем на 20 градусов! Вычисление долготы укрепило в нем его убеждение в том, что Куба — это не Япония, а азиатский континент. В ожидании своих послов Колумб и его люди питались сладким картофелем, в то время еще неизвестным в Европе, местными бобами, обогащавшими их мясные и рыбные блюда. Иногда некоторое разнообразие в их меню вносил легуан.

Вернулся Торрес, так и не обнаружив Великого хана. Но он узнал о табаке, который мог дать торговцам намного больше, чем то золото, которое Колумб так же напрасно искал, как и великого правителя «Азии».

Эти поиски от одного острова к другому, от одного переезда к другому утомили многих людей экипажа. 22 ноября «Пинта» под командованием Мартина Алонсо Пинсона исчезла из поля зрения двух других кораблей и отправилась на поиски на свой страх и риск. На второй неделе января 1493 года Колумб видел ее в последний раз.

Вместе с Висенте Яньесом он продолжал исследовать северное побережье Кубы. В своем дневнике он записывал каждую деталь. Часто один только вид пышной растительности и гармоничных линий ландшафта приводил в восторг его поэтическую натуру. 5 декабря он достиг восточного края острова, который назвал мысом Альфа и Омега, что означало начало и конец, так как он верил, что достиг самой крайней точки азиатского континента. Но вскоре на горизонте обозначилось побережье Гаити. 9-го он решился назвать

остров, вдоль которого плыл, Эспаньолой. Впоследствии он был назван на латинский манер Испаниола. Он еще не знал, что этот остров будет первой испанской колонией в Америке, что его там арестуют и однажды похоронят.

Когда 16 декабря он установил связь с одним касиком¹, испанцы нашли, наконец, немного золота. У этого вождя была небольшая пластинка золота величиной с ладонь. Он был местным торговцем и менял его маленькими кусочками. Другой касик более высокого ранга посетил Колумба на борту «Санта-Марии». В своем путевом дневнике, который он вел для своего испанского покровителя, генуэзец очень подробно рассказывает об этом. Колумб убедил его, что все эти острова можно очень легко подчинить себе, так как туземцы отнеслись к ним достаточно дружелюбно. Они видели в Колумбе и его людях посланцев с небес, тогда как европейцы уже считали их своими будущими рабами.

23 декабря узнали, что центральная часть Эспаньолы на языке тайно называется Сибано, это могла быть только Сипанго. Там должно было быть золото, что на этот раз и случилось.

24 декабря Колумб покинул бухту Акюль, где он узнал эту новость, и решил рождественские праздники провести с касиком Гуаканагари. Ему казалось, что это имя звучит по-японски.

В полночь «Санта-Мария» и «Нинья» очень медленно продвигались вперед, ветра почти не было. Они находились в миле от мыса Гаити.

¹ Касик — вождь, старейшина индейских племен Центральной Америки. — *Прим. ред.*

После постоянной суеты последних двух суток команда «Санта-Марии» чувствовала себя изможденной. Часто сходили на берег, чтобы еще больше узнать о Сипанго и золоте, к тому же еще прибавились посещения туземцев. Никто не спал, было так тихо, что всем хотелось отдохнуть. Сменили вахту. Хуан де ла Коса, командовавший вахтами и сам уставший, дал своим людям возможность немного передохнуть, и сам вскоре заснул. Молодой матрос дремал у руля, который поворачивался в его ослабевших руках то в одну, то в другую сторону...

Вдруг легкое покачивание прекратилось, молодой рулевой испугался и громко закричал. Колумб первым появился на палубе, он увидел, как Хуан де ла Коса выскочил из каюты, люди поднимались на палубу, держась за поручни. Наскочили на рифы.

Колумб велел Хуану де ла Коса взять лодку и забросить якорь далеко вперед, чтобы освободить нос, сидевший не так глубоко, как корма. Оказавшись с несколькими людьми в лодке, баск решил перейти на «Нинью», но Висенте Яньес запретил ему подниматься на борт и, сопровождая его в собственной лодке, отправил его назад. Между тем «Санта-Мария» прочно зависла носом на рифе в направлении к суше. Прибой то поднимал, то опускал ее, каждый раз ударяя об острые кораллы рифа. Ничего не помогло и тогда, когда срубили тяжелую среднюю мачту. Швы разошлись, и вода хлынула в трюм. Корабль погиб. Вместе со своей командой Колумб перебрался на «Нинью» и, обесилев, ожидал наступления утра.

Вождь с татуировкой тотема племени

Примечательным был этот рождественский день! Весь он прошел в хлопотах по освобождению «Санта-Марии» от груза с помощью людей Гуаканагари. Время от времени касик посылал одного из своих родственников утешить адмирала. Но золото, которое все больше находили то здесь, то там, утешало европейцев гораздо лучше, чем симпатии аборигенов.

Вскоре Колумб убедил себя в том, что кораблекрушение «Санта-Марии» служило ему знаком провидения, которое вблизи золота Сипанго хотело видеть новое поселение. Люди, которые там останутся, смогли бы найти достаточно золота для того, чтобы Католические короли в течение трех лет смогли бы освободить Священную Могилу. Так был основан Ла-Навидад, первое испанское поселение в Новом Свете.

Найти людей, пожелавших остаться там, было совсем не трудно. Они даже спорили друг с другом о привилегии обогатиться здесь среди этих гостеприимных индейцев, только и мечтавших стать их рабами. Эти претенденты даже и не подозревали, что вместе с золотом они выбирают свою смерть. Но пусть судьба сама определяет их участь, которую тогда никто еще не мог предугадать.

В конце концов остались тридцать девять человек, комендантом был назначен Диего Гарана, кузен любовницы Колумба. Среди оставшихся были бесполезный толмач Луис де Торрес и секретарь Эскобедо, уже выполнивший свою миссию, не зная даже об этом, так как во время этого плавания никакие острова уже не были больше

открыты. Остались и хирурги, скорее заботившиеся о золоте, чем о здоровье тех, кто вместе с адмиралом отправлялся в дальнейший путь, и, может быть, никогда больше не увидел Испанию.

4 января 1493 года Колумб покинул Ла-Навидад, последние остатки «Санта-Марии» и 39 золотоискателей.

6 января «Нинья», теперь уже адмиральский корабль, встретила с «Пинтой». Обе каравеллы бросили якорь перед островом Ла-Кабра. Мартин Алонсо поднялся на борт «Ниньи», как будто бы ничего не случилось. Он извинился, заявив при этом, что не по своей воле отделился от корабля адмирала. Он тоже нашел золото. В душе Колумб, как и Пинсон, был рад снова обрести попутчика на обратный путь. Они не очень ценили один другого, но были нужны друг другу.

В Лас-Флехас, за несколько миль от восточного края Эспаньолы, враждебно настроенные туземцы, в отличие от миролюбивых таинов, чуть было не сыграли с испанцами злую шутку, когда те сошли на берег. Это была последняя остановка перед обратным переходом.

16 января, в среду, за три часа до восхода солнца, адмирал взял курс в открытое море. Он выбрал направление норд-норд-ост, предполагая достичь Палоса прямым путем. Так он обошел зону пассатов, которые никогда не позволили бы ему увидеть Испанию. Вторая счастливая ошибка! Человек, искавший Азию и нашедший Америку, смог вернуться в Европу только потому, что сбился в своих вычислениях широты.

Море было спокойным, как и во время плавания туда. Ветер заставлял их иногда менять курс, но корабли шли довольно быстро. В ночь со 2 на 3 февраля каравеллы буквально грохотали и крепились на бок. С 4 по 7 февраля скорость увеличилась до 598 миль. Это была самая высокая скорость за все плавание.

В эти недели попутного ветра Колумб записывал все события для Луиса Сантанхеля, помогавшего ему финансировать плавание. За несколько месяцев 1493–94 года этот отчет выдержал тринадцать изданий. Он послужил стимулом для подготовки второго плавания.

12 февраля погода ухудшилась. 13 февраля все трещало на борту. На «Нинье» было очень мало груза. Утром 14 февраля «Пинту» понесло в другом направлении. В своем журнале Колумб признался, что считал себя погибшим. Но 15 февраля показался остров Санта-Мария, один из Азорских островов. Лишь в ночь на 16 февраля Колумб позволил себе заснуть, это было впервые за последние четыре дня. Его почти парализовал ревматизм, который он подхватил из-за постоянного холода и скудного питания.

Лишь 18 февраля утром «Нинья» смогла стать на якорь у Носса-Сеньора-Душ-Анжуш на северо-востоке Санта-Марии. 19 февраля Колумб отослал половину своей команды на берег, чтобы в ближайшей часовне поблагодарить бога. Но португальцы, владевшие Азорскими островами, напали на них и взяли в плен. Это был первый прием, который Европа подготовила первооткрывателям Нового Света. После долгих переговоров людей

освободили, и 24 февраля на «Нинье» снова были подняты паруса. Когда они прошли 250 миль на восток, начался новый шторм. Он не хотел отпускать корабль перед континентом. В ночь со 2 на 3 марта все до одного паруса были разорваны. Утром 4 марта Колумб добрался до устья Тежу. Из-за шторма и плачевного состояния парусов он был вынужден бросить там якорь. И снова он был в руках португальцев. Но ему все-таки удалось укрыться от одного из самых страшных ураганов последних лет.

9 марта он нанес визит королю Жуану II. Король просил пригласить его в монастырь Святой Марии Благостной, расположенный в 45 километрах от Лиссабона, где в то время находилась резиденция из-за чумы, свирепствовавшей тогда в столице. Король принял адмирала, некогда отвергнутого им, с наигранной любезностью. Он объяснил ему, что согласно договору в Алькасовасе, заключенному в 1479 году с Кастилией, открытые им области принадлежат Португалии. Колумб ответил, что этого договора он не видел, но когда ему его господа запретили отправиться в Гвинею, он выполнил их требование. Вероятно, он произнес это достаточно высокомерно, так как придворные посоветовали королю покончить с этим наглецом. Король как-то сам заколол одного из своих родственников, но Колумба он отпустил невредимым. Он даже принял его несколько позднее еще раз и имел с ним продолжительную беседу. В ходе беседы он заставил индейцев, привезенных Колумбом, перечислить ему все открытые им острова. Для этого использовали сухие бобы. Индейцы так

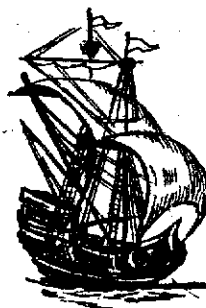
много взяли из предложенной им чаши бобов, что король рассердился. С тех пор португальцы больше не говорят о таинственном Острове Семи городов, или Антиллах, а об Антильских островах, как они называются и сегодня.

11 марта Жуан II принял Колумба для прощальной аудиенции. На следующий день ему доставили распоряжение короля вернуться в Испанию по суше. По вполне понятным причинам Колумб, почувствовавший в этом ловушку, отказался, и 13 марта «Нинья» покинула устье Тежу.

Между тем команда не теряла времени и привела на борту все снова в порядок. 15 марта в полдень Колумб вошел в устье Рио-Тинто. Палос он покинул тридцать две недели тому назад.

Такой короткий отрезок времени имел такие последствия. Колумб чувствовал это, потому что свой журнал он закончил следующими словами: «Чудесным образом это плавание направлял сам Бог, сотворив для меня великое чудо, для меня, прожившего так долго при дворе Ваших Величеств, постоянно преодолевая сопротивление придворных, воспринимавших это предприятие как безумство. Но я надеюсь, что с Божьей помощью оно принесет всему христианскому миру великую славу».

В этот же день Мартин Алонсо Пинсон пришел на «Пинте» в Палос. Быстрым ходом он перегнал Колумба и в конце февраля пристал к берегу в маленькой гавани Байоне в Галисии. Он даже попытался поспешить ко двору, но ему отказали. Спустя месяц после возвращения он скончался в отчаянии.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ

Бесконечные приемы и торжества следовали в Палосе один за другим. Но Колумбу вскоре наскучило это бесполезное времяпрепровождение, и он отправился на две недели к своим друзьям в монастырь Рабида. Оттуда он поехал в Севилью в сопровождении десяти индейцев-рабов, которых маленький Бартоломео де Лас-Казас разглядывал удивленными детскими глазками, даже не зная, что однажды он будет страстным защитником их братьев.

Вскоре, получив очень дружелюбное послание своего покровителя адмирал и вице-король Индии отправился в Барселону ко двору короля. Шесть индейцев сопровождали его. Они несли клетки с пестрыми попугаями, привезенными из «Индии», заморские диковинки и несколько проб золота. Из Севильи через Кордову, Мурсию, Валенсию необычный отряд отправился к Средиземному морю и через Таррагону в Барселону. Повсюду любопытство было огромным.

В Барселоне король и королева приняли первооткрывателя с невероятным блеском и усадили

его рядом с собой напротив всей свиты. Обсуждались планы второго плавания. Колумб был гостем своих господ. После торжественного богослужения он остался жить во дворце. Никогда больше на его долю не выпадала такая честь. Он хотел продолжить начатое предприятие, отыскать Великого хана, приумножить свои открытия, найти золотые прииски и обратить язычников в свою веру. Скольких конкурентов ему пришлось преодолеть, сколько ненависти выдержать!

Но в этот момент он наслаждался величием своей славы. В течение пяти или шести недель он принимал участие во всех торжествах. Он принимал просителей, среди них и придворных, которые прежде свысока относились к нему. Король и королева советовались с ним по дипломатическим вопросам. Архиепископ из Толедо, первое лицо Испании и самая влиятельная фигура при дворе, пригласил его на обед и оказал ему королевские почести.

Колумб получил тогда герб с изображениями по углам: кастильский замок, леонский лев, острова и якорь. Его братья — Бартоломео и Диего (младший Джакомо, которого он вызвал из Генуи) — были возведены в «caballeros»¹ и перед их именем теперь ставили «Дон».

Между тем проходили оживленные переговоры между испанскими властями и папой Александром VI Борджиа, который тоже был испанцем. 3 мая 1493 года он пожаловал Католическим королям владение землями, открытыми Колумбом. Но так как

¹ Дворянское звание. — Прим. ред.

король Португалии тоже начал действовать, испанский посол в Риме добился от папы две новых буллы, под которыми он задним числом поставил даты 3 и 4 мая. Согласно второй булле пограничная линия между португальскими и испанскими владениями проходила в ста лигах западнее от Азорских и Кабо-Верде островов Зеленого Мыса. По всей видимости, принимая такое решение, Испания находилась под влиянием Колумба. Таким же образом по его совету испанская корона потребовала и получила четвертую буллу, датированную 26 сентября, расширяющую ее права, а все права, которыми до этого пользовались другие князья, короли и религиозные общины, объявлялись недействительными. Это должно было коснуться непосредственно Португалии. Там забеспокоились и сейчас же начали переговоры с Католическими королями. В результате появился Тордесильясский договор от 7 июня 1494 года. Пограничная линия была проложена на 370 лиг западнее островов Зеленого Мыса. Восточнее этой океанской границы любая уже открытая земля или та, которая будет открыта, считается португальской. Это сделало возможным создание будущего лузо-бразильского сообщества.

Между тем новость об открытиях распространилась повсюду, не только в Испании и Португалии, которые были непосредственно заинтересованы в этом, но и в Италии, и в Риме, во многих торговых городах и при дворах просвещенных королей. Письмо Колумба Сантанжелю на латинском языке было напечатано в Париже, Базеле и Антверпене. На итальянский язык его перевели

стихами. На немецкий язык оно было переведено лишь в 1497 году. Казалось, что эти открытия вообще-то слишком мало интересовали Северную Европу. Должен был появиться второй генуэзец, Джованни Каботто, или Джон Кабот, прежде чем Англия начала пробивать себе путь в «Индию».

Колумб, со своей стороны, начал приготовления ко второму плаванью. Всеми делами управлял Хуан де Фонсека, архидиакон Севильский, добрый, но жаждущий наживы делец. Тогда он сотворил поистине чудеса, так как предоставил в распоряжение адмирала 17 кораблей и примерно 1200–1500 человек команды. Это была настоящая армада. На борту было все, что считали необходимым для начала колонизации.

На этот раз экспедицию сопровождали священнослужители, главой которых был отец Буйль. Разве объявленной целью путешествия не было обращение коренного населения в свою веру? Но во всяком случае с ними хотели вести и обменную торговлю, обменивая дешевые безделушки на золото, причем восьмая часть дохода должна была отойти Колумбу, а семь восьмых — короне. В общем приоткрыть дикарям небеса обошлось Католическим королям довольно дорого, если не забывать при этом и некоторых светских интересов.

В июне 1493 года Колумб покинул Барселону и двор. Через Сарагоссу он прибыл в Мадрид, Талавера-де-ла-Рейна и Трухильо, где жил молодой свинопас по имени Франсиско Писарро, будущий завоеватель Перу. Цель этого перехода была Гуадалупе в Эстремадуре, большой монастырь иеронимитов. Находясь на грани гибели в

шторм при возвращении из плавания, Колумб поклялся совершить туда паломничество. Его сопровождали пять индейцев, шестой остался при дворе. Монахи настолько заинтересовались ими, что попросили Колумба дать одному из островов, которые он наверняка еще откроет, имя монастыря, что и произошло. Так орден иеронимитов познакомился с индейцами, большинство из них они впоследствии окрестили. Мадонна Гуадалупская стала покровительницей всей Латинской Америки.

Из Медельина, родины Эрнана Кортеса, завоевателя Мексики, Колумб через Кордову и Севилью отправился в Кадис, где, несмотря на все старания Фонсеки, флотилия еще долгое время не была готова к отплытию. Колумб был крайне недоволен, что и послужило началом будущих раздоров между ними.

Армада насчитывала три нао¹ и четырнадцать каравелл, некоторые из них с незначительной осадкой были названы кантабрийскими барками. Они служили для обследования побережья и рек.

Впоследствии прославились многие участники экспедиции. К ним относились: Алонсо де Охеда, будущий первооткрыватель, Хуан де ла Коса, картограф из Пуэрто-Санта-Мария, и Понсе де Леон, тоже будущий первооткрыватель. Диего Альварес Чанка, врач из Севильи, и Микеле Кунео, родом из Савоны близ Генуи, были историкографами этого плавания. Один из монахов, иеронимит Рамон Пане, был первым этнографом индейцев. Кроме этого, в экспедиции принимали

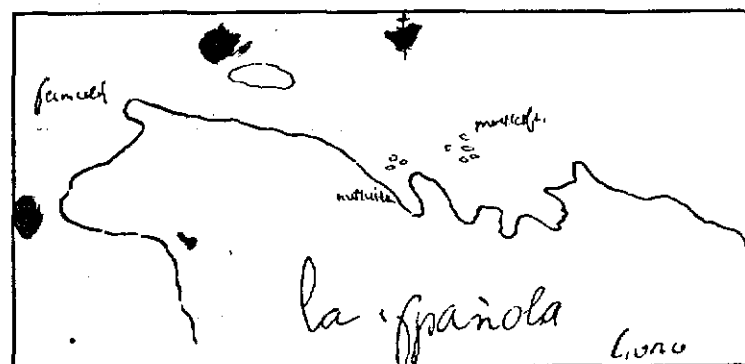
¹ Нао — четырехмачтовое судно. — Прим. ред.

участие около двухсот представителей дворянства, которые надеялись обогатиться в Америке.

Диего Колон, как теперь называли младшего брата Колумба, был, очевидно, его доверенным лицом, так как Бартоломео не смог вовремя вернуться из Франции, чтобы отправиться в плавание с армадой. 25 сентября флотилия покинула наконец Кадис и до самого моря ее сопровождала эскадра венецианских галер, вышедших из гавани одновременно с ней. 13 октября Ферро, последний из Канарских островов, остался позади.

Колумб взял курс несколько южнее, чем в первый раз. Вследствие этого переход был на целую неделю короче, и уже 3 ноября 1493 года они достигли Доминики в дуге Малых Антильских островов.

Лишь однажды они попали в шторм, но он продолжался всего четыре часа. Корабли не отставали друг от друга, у каждого из них постоянно были на виду белые паруса шестнадцати других кораблей. По вечерам на палубе адмиральского корабля совершалось богослужение, во время которого присутствовали и экипажи других кораблей. 3 ноября в лучах тропического зимнего солнца одновременно с Доминики возник целый ряд других островов. Они были названы Мария-Галанте по названию адмиральского корабля, Гваделупа, Десеада и Лас-Сантас. Десеада стала впоследствии опорным пунктом всех испанских, английских и французских эскадр, направлявшихся на Антильские острова. Таким образом, курс, предложенный во время второго плавания, был удивительно благоприятным.

Карта, составленная Колумбом

На острове Доминика Колумб не сходил на землю. Это решение было для него счастливым, так как жившие там карибы были каннибалами. От имени Католических королей он объявил о введении острова Мария-Галанте во владение их короны. Но ни один туземец не появился.

На острове Гваделупа адмирал пробыл шесть дней, потому что в лесах потерялась одна разведывательная группа. Поспешившие ей на помощь обнаружили лишь остатки празднеств каннибалов. Удалось освободить нескольких пленных, приготовленных для будущих банкетов, и даже было время полакомиться ананасами, пока не привели блуждавших в лесу.

Далее последовали еще несколько островов с именем Санта-Марии: Санта-Мария де Монсеррат, Санта-Мария-ла-Антигуа, в настоящее время Антигуа, Санта-Мария-ла-Редонда, известный теперь как Редонда. Современный Невис Колумб назвал Сан-Мартин. Но ни на одном из этих островов не остались испанские поселения, что позволило

англичанам, французам и голландцам позднее с легкостью присвоить их.

Минуя острова Сан-Кристобаль, сан-Эустасио, Саба, Санта-Крус, Виргинские острова и Грасиосу, Колумб прошел по всей дуге между островом Доминика и первым островом Больших Антильских островов — Порто-Рико. У острова Санта-Крус никто не сошел на землю, но там испанцам пришлось выдержать настоящий бой. Вели его всего лишь против семи карибских туземцев, среди которых были две женщины и маленький мальчик. Шлюпка, доставлявшая питьевую воду, столкнулась с однодеревкой, в которой находились дикари. Хотя в шлюпке были двадцать пять испанцев, туземцы заняли оборону. Женщины стреляли из луков как мужчины и обрушили на своих врагов целый град стрел. Один белый был убит, двое ранены. Могло быть намного больше жертв, если бы у испанцев не было щитов. Шлюпка перевернула однодеревку, но туземцы пытались спастись вплавь, посреди моря они вскарабкались на скалу и защищались оттуда, пока не были подавлены численным превосходством и взяты в плен. Даже на адмиральском корабле они своей дикостью нагоняли страх. У одного из них свешивались внутренности. Посчитав его мертвым, его выбросили за борт, но он, придерживая живот одной рукой, доплыл до берега. Находящиеся на борту араваки, братья которых служили пищей для многочисленных пиршеств карибов, умоляли испанцев прикончить этого дикаря, потому что он из мести может поднять весь род. Поэтому его поймали, связали и снова бросили в

море. Но ему все же удалось освободиться и поплыть к берегу. На этот раз он долго служил мишенью, пока и не пошел ко дну, оставляя кровавый след.

19 ноября показался Порто-Рико. Там не было столкновений с аборигенами, и 22-го, пополнив запасы воды, адмирал покинул вновь открытый большой остров. Он торопился увидеть Гаити и своих друзей, оставшихся в Ла-Навидаде при первом плавании.

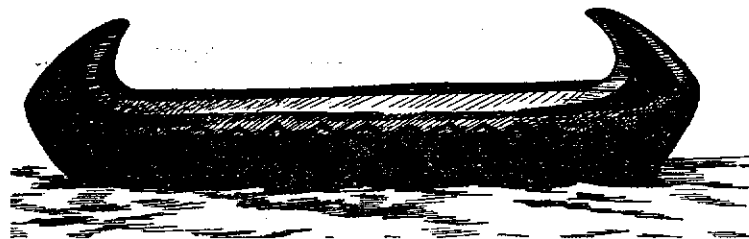
27 ноября они увидели тот берег, где потерпела крушение «Санта-Мария», а год назад было создано первое испанское поселение в Америке. Спустились сумерки, и Колумб велел бросить якоря, как только свинцовый лот коснулся дна. Он не хотел подвергать свой корабль новой опасности.

На всех кораблях было напряженное настроение. За прошедшие два дня они обнаружили четыре уже разложившихся трупа, связанных веревками. На одном еще были видны отдельные части лица с густой бородой, каких не носили туземцы.

На борту зажгли огонь: ни один костер на берегу не ответил им. Дали несколько пушечных залпов: только прибой ответил эхом. Наконец в 10 часов вечера подошло каноэ, на борт поднялся кузен касика Гуаканагари, у которого Колумб провел в прошлом году рождественские дни после гибели «Санта-Марии». Он заверил их, что христиане в Навидаде живы и здоровы, за исключением умерших от болезней и тех, кто пал в сражении.

На следующий день одна группа разведывателей сошла на берег. Навидад был полностью сожжен, до последней балки. Вначале предполагали, что тридцать девять золотоискателей настолько откровенно воспользовались гостеприимством местных супругов, что, разозлившись, в конце концов убили всех до последнего. В действительности же споры из-за женщин, конечно, имели место, но, в основном, среди европейцев. Жизнь должен был заплатить молодой матрос за ревность, которую он возбудил в секретаре Эсковедо, бывшем королевском постельном. Оба эти смутьяна устроили охоту за золотом и женщинами. Но так как они рискнули вторгнуться во владения одного из вождей по имени Каонабо, в жилах которого текла дикая кровь карибов, то там они и оставили свои жизни. После этого Каонабо двинулся на Навидад, где Диего де Гарана оставался один лишь с десятью людьми. У каждого из них было по пять туземных женщин. Трое мужчин были убиты, остальные сбежали к морю и утонули там. Некоторые из них ушли в глубь страны и из охотников превратились в преследуемых. Нашлось достаточно туземцев, чтобы устроить на них кровавую облаву. Так они были наказаны за свою жадность и распутство.

Новое поселение Колумб решил основать на северо-востоке от Гаити. Он назвал его Изабеллой, в честь королевы. Но месторасположение было выбрано не совсем удачно, что заранее определило время его существования. Во время этого второго, сравнительно легкого плавания Колумб открыл двадцать больших и сорок маленьких

Каное

островов и здесь он сделал свои первые трудные попытки колонизации.

Единственным преимуществом этого места было то, что оно находилось недалеко от Сибео, где было золото. Туда Колумб послал группу разведчиков, которые принесли несколько образцов золота, но почти все они вернулись больными. В самой Изабелле за несколько дней заболели сотни людей. Вода не была пригодной для питья, а европейские запасы быстро иссякли. Работа на строительстве домов и укреплений была слишком трудной для людей, не привыкших к тропическому климату с его постоянными дождями, к лихорадке и непривычному питанию. Не было ни мяса, ни хлеба, ни вина, они ели кашу из маиса и маниоки. Чтобы избежать гибели, было крайне необходимо пополнить запасы европейскими продуктами питания.

2 февраля 1494 года 12 кораблей из семнадцати под командованием Антонио де Торреса были отправлены назад в Европу. Они пересекли океан за двадцать пять дней. В Европу они доста-

вили золота на тридцать тысяч дукатов, местные пряности, шестьдесят попугаев и двадцать шесть индейцев, среди них были три карибских людоеда. Своим господам Торрес передал точный отчет адмирала, который был принят очень доброжелательно.

12 марта Колумб возглавил вооруженный отряд, чтобы проникнуть в глубь Гаити. Отряд состоял из стрелков, вооруженных самострелами и ружьями, и всадников, так как некоторые дворяне, принимавшие участие в экспедиции, имели при себе лошадей и хотели сражаться только верхом. При завоевании Нового Света испанские всадники играли исключительно важную роль, хотя их количество и было очень ограничено. На континенте, где к тому времени еще не знали лошадей, всадник в снаряжении да еще и на коне в панцире мог сравниться с современным танком. Кроме этого, Колумб взял с собой плотников и каменщиков, и под защитой нескольких гидальго высылал вперед людей с топорами для того, чтобы расчистить путь, по которому должна была пройти экспедиция.

Вскоре нашли плодородную долину. Ее красота поразила Колумба, и он назвал ее Вега-Реаль, Королевская долина. Между холмами, возвышавшимися вокруг долины, соорудили форт, названный им фортом Святого Фомы. Для его защиты построили небольшую крепость. На карте Доминиканской Республики она еще и сегодня называется Форталеза. Форт Святого Фомы превратился в центр оживленной торговли золотом. Туземцы приносили его в виде самородков или пес-

ка. Официально все предназначалось для короны. Но, само собой разумеется, было достаточно таких, кто приобретал золото для себя, в своих собственных интересах. Они выдавали друг друга. Нескольким из них отрезали уши и даже нос, что не способствовало повышению их авторитета у Колумба.

Между тем в Изабелле с тропической пышностью зрел урожай. Поспевали дыни, наливались первые колосья, многообещающими были сахарный тростник и виноград. Так появились виды на растениеводство, которое должно было преобразовать сельское хозяйство Антильских островов, что превратило этот край в яблоко раздора европейских держав.

Несмотря на природные богатства, люди болели. Многих уже не стало. Почти все оставшиеся в живых хотели вернуться в Испанию. Им не совсем по душе пришлась жизнь в этих двухстах хижинах первого колониального «города» Нового Света. Но прежде чем прибудет новая флотилия, Колумб хотел закончить ограждение, построить церковь и вокруг нее заложить «plaza mayor», возвести каменные дома. Он даже начал проводить канал для питьевой воды и работы мельницы. Но европейские рабочие болели и были сильно утомлены от постоянного напряжения, которого от них требовали. К работе привлекали даже гидальго. Долгое время они из-за этого относились к Колумбу с глубоким презрением. Они прибыли в «Индию», чтобы разбогатеть и грабить, но совсем не для того, чтобы работать как про-

стой люд. И несмотря на все эти трудности адмирал стремился поддерживать дисциплину!

Колумб освободился от четырех сотен бунтовщиков, отправив их во главе с Охедой в форт Святого Фомы. Однажды тот велел отрезать уши одному индейцу, укравшему несколько платьев. Касика, которому принадлежал этот индеец, он заковал в тяжелые цепи и отправил к Колумбу, чтобы тот его обезглавил. Это чуть было и не случилось. Идиллия, царившая в отношениях во время первого плавания, заметно убывала.

Адмирал устал от всех этих раздоров и спешил вновь отправиться в плавание. Ему так хотелось обнаружить азиатский континент, прежде чем придет подкрепление. Поэтому управление Изабеллой он передал своему брату Диго и 24 апреля 1494 года снова вышел в море.

Ему необходимо было, наконец, выяснить, была ли Куба действительно полуостровом азиатского континента, как он предполагал после первого плавания. И кроме этого, нужно было все-таки найти Великого хана.

Адмиральским кораблем была снова «Нинья». Для обследования побережья ее сопровождали две каравеллы с небольшой осадкой и латинскими парусами. На борту было всего около 60 человек.

В торжественной обстановке он объявил о введении Кубы во владения Католических королей и на одном мысе соорудил колонну с крестом. Посоветовавшись со своими капитанами, он пошел вдоль южного берега большого острова. Это была высохшая местность, заросшая агавой и кактусами. Пройдя далее в глубь страны, они натолкну-

Шаман

лись на селения. Индейцы были миролюбивыми и гостеприимными, как и при первой встрече с ними.

Но так как ничего не привлекло их особого внимания, 3 мая адмирал покинул побережье Кубы и направился на юго-восток к Ямайке, которую туземцы описали ему как золотой остров.

Индейцы Ямайки тоже были таины, как в Эспаньоле и на Кубе, но более воинственные. Прежде чем бросить якорь, адмирал хотел измерить глубину лотом. К нему на большой скорости приблизились около шестидесяти легких лодок с одним веслом, каное. Они смогли успокоиться лишь после выстрела из пушки. Потом можно было начать меновой торг. Впоследствии из лука убили нескольких индейцев, чтобы внушить им уважение к кастильскому оружию, на других спустили огромную испанскую собаку. Так впервые на индейцев натравили охотничью собаку. С этого момента возникла жгучая ненависть между этими страшными животными и индейцами. Испанцы это вскоре заметили и повсюду использовали собак. В ходе всех колониальных завоеваний их острые зубы перегрызли горло тысячам туземцев.

14 мая Колумб вновь приблизился к берегам Кубы и был встречен там достаточно приветливо. Теперь он находился в заливе Гуаканаябо, в котором было много мелких островов. В один из последующих дней он увидел их почти 164. И еще больше на расстоянии 150 миль до Сиерра-Тринидад. Адмирал дал им поэтическое собирательное имя: Сады королевы.

Это путешествие было довольно трудным из-за узких и мелких протоков и внезапных порывов

вов ветра. Маленькие каравеллы неоднократно касались грунта, но благодаря незначительной осадке они легко поднимались. 60 тонн «Ниньи» было уже слишком много. Однажды она на несколько часов застряла в иле.

Несмотря на такие трудности, адмирал в любой момент отличался почти сверхчеловеческой наблюдательностью. Он почти не спал и исчерпал всю свою необыкновенную силу сопротивления. Небольшое расслабление он испытывал, лишь наблюдая за красотами природы и животного мира. Розовые фламинго засыпали на одной ноге в болоте или парили над мачтами. С помощью охотничьих рыб, наподобие рыбы-лоцман, туземцы вылавливали огромных черепах. Индейцы привязывали к рыбе веревку, скрученную из волокон, и спускали ее вниз на черепаху, подбадривая рыбу ласковыми словами. Со всей силой своего присоса рыба прижималась к голове жертвы. Рыбаку оставалось лишь только потянуть за веревку, вновь приговаривая незначительный комплимент.

Во время утомительного плаванья по тропическому «саду» Колумб прошел вдоль кубинского побережья на запад. Ему сказали, что там находится Магон. Это не могло быть ничем другим, как только Манги, юго-восточной частью Китая, о которой рассказывал Марко Поло. Ведь там была только пресная вода, опьяняющие ароматы и певчие птицы под высокими пальмами.

Потом потянулся большой отрезок белой мелкой воды. В глубину на две сажени якоря скользили по илу. Сорок длинных миль каравеллы с

Женщина из племени канибалов

трудом продвигались вперед. Вода постоянно меняла цвет, от молочно-белого до темно-зеленого или даже черного. Манговые заросли делали берега непроницаемыми. Над ними кружили тучи комаров. Повсюду вялость, ил и гниль.

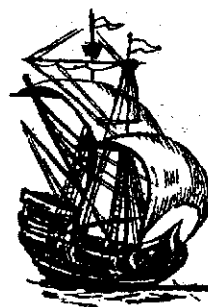
Недалеко от современного города Гаваны отважные разведчики натолкнулись на группу индейцев, трое из них были облачены в длинные белые одежды как монахи. Вначале Колумб подумал, что встретился со жрецом Хуаном, одним из легендарных христианских королей, о котором часто упоминали в средние века. Но на следующий день их уже не было. Великого хана тоже не нашли.

Но Колумб все еще мчался за своей фантастической мечтой. На второй неделе июня ему пришла в голову мысль объехать этот золотой полуостров, вблизи которого он, очевидно, и находился. Затем он намеревался пересечь Индийский Океан. Тогда у него был бы выбор: либо объехать мыс Доброй Надежды и вернуться в Испанию, либо проехать через Красное море и освободить на этом пути Иерусалим...

У каждого закружится голова, если прочтешь все это в записях Бернальдеса, священника из Паласиоса, который хорошо знал Колумба. Великий хан, Сипанго, Манги, жрец Хуан, Золотой остров, Иерусалим — все кружилось в его голове, уставшей от бесконечного бодрствования, в его до предела напряженной воле, направленной лишь на одну недостижимую цель.

Во всяком случае, после этого смятения его мысли прояснились. Корабли следовало возвратить

в Изабеллу. 29 сентября после утомительного плавания Колумб вновь возвратился туда. Мучимый лихорадочными фантазиями и сильнейшим ревматизмом, он уже не мог ходить. На берег его вынесли на руках.

КОЛУМБ-КОЛОНИЗАТОР

Бартоломео, второй брат Колумба, ожидал Христофора в Изабелле. По возвращении из Франции он был милостиво принят Католическими королями и привел обоих сыновей адмирала ко двору, где они, невзирая на их законные права, были определены пажами на службу к инфанту дону Хуану. Дон Бартоломео, теперь уже испанский кабальеро, должен был возглавить три каравеллы, которые он без особых трудностей привел в Изабеллу. Это и была та долгожданная флотилия с продовольствием.

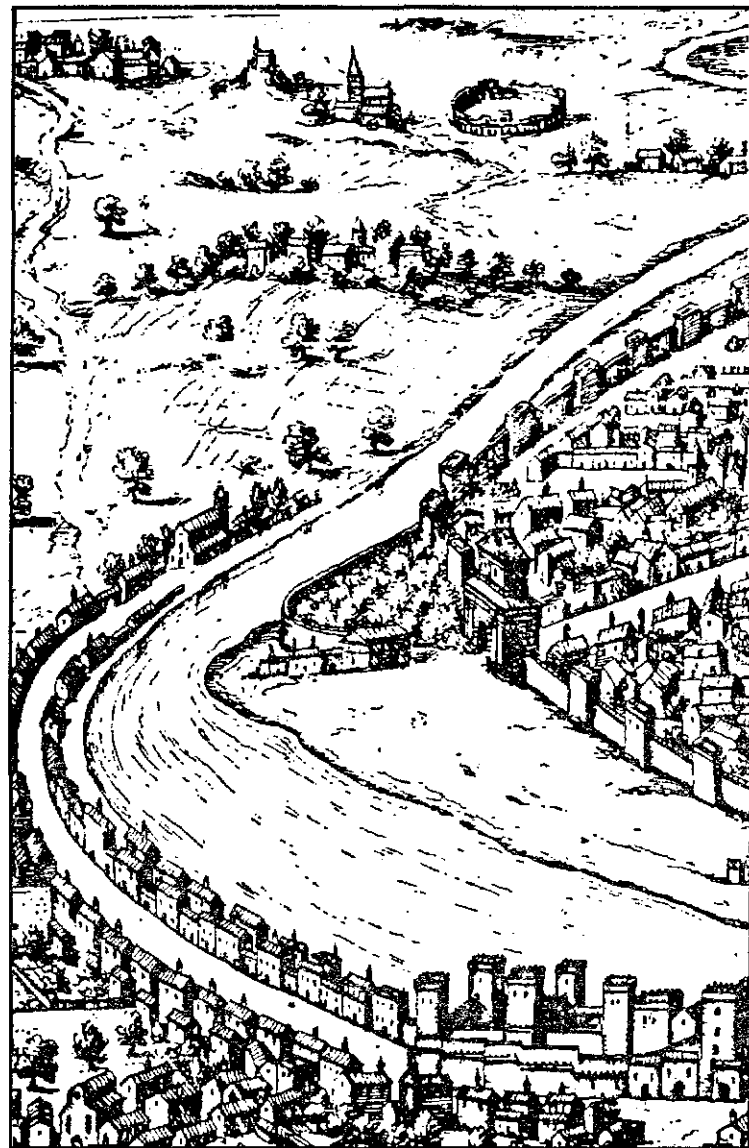
Христофор присвоил Бартоломео титул «adelantado», наместника, что давало ему большие военные и административные права. Он должен был стать активным помощником своего брата и, что в тропиках очень важно, отличался в любой ситуации отменным здоровьем и удивительной силой духа.

Диего, самый младший брат, за время отсутствия адмирала не очень хорошо справлялся с делами колонии. Он был слишком слабым, чтобы усмирить вырвавшиеся из оков страсти алчу-

щих поселенцев, считавших, что им все дозволено. Постоянно происходили грабежи, разбои, изнасилования, угрозы и драки. Маргарит, назначенный комендантом крепости, утопил остров в огне и крови. Он и брат Буиль, тоже каталонец, обращались с индейцами как со скотом. Ни один туземец не был крещен. Рамон Пана, будущий этнограф, смог начать евангелизацию лишь в 1496 году. В довершение всего Маргарит и Буиль захватили корабли, которые привел Бартоломео, и ушли в Испанию. Там они оклеветали братьев Колумбов, насколько это было в их власти.

Нужно было положить конец этой анархии, но вместо этого Колумб принялся за туземцев, убивших нескольких своих мучителей. Он преследовал их на лошадях и с собаками. Происходила настоящая кровавая бойня. Дикарей, схваченных живыми, превращали в рабов и отправляли в Испанию. Индейцы, которые не находили достаточно золота для своих корыстолюбивых завоевателей, должны были жертвовать своей свободой. Их продавали на рынке. Так индейцы были вознаграждены за свой радушный прием, который прославлял Колумб в своем отчете повелителям после первого плавания. Из четырех сотен рабов, отправленных 24 февраля в Европу на каравеллах под командованием Антонио де Торреса, двести скончались между Мадейрой и Кадисом. Большая часть остальных стала жертвой болезней вскоре после того, как они были проданы архиепископом Фонсека на рынке в Севилье.

Попытки бунта заканчивались новой бойней и новым рабством. Маленькому, но пылкому Охеде

Севилья во времена Х. Колумба

хитростью удалось захватить Каонабо, касика, приказавшего убить жителей Навидада. Охеда прибыл с десятью всадниками и пообещал ему большой бронзовый колокол для капеллы в Изабелле. Это чудо возбудило жадность касика, и он отправился в путь с вооруженным отрядом и десятью всадниками-идальго. На одном из привалов Охеда показал ему железные наручники и цепи для ног и рассказал, что король Испании носит такие же, когда ездит верхом. Хотел ли касик быть похожим на испанского короля и сесть на страшного коня, которого так боялись индейцы? Вероятно, хотел! Охеда велел ему с наручниками на руках и цепями на ногах сесть на коня позади себя, и чтобы он не упал, крепко привязал его к себе. По сигналу остальные девять всадников набросились на охрану Каонабо, а Охеда прищипорил своего коня и умчался в Изабеллу...

Само собой разумеется, в городе начали процветать всевозможные ремесла, к которым присоединились теперь уже и европейские женщины. Особенно важен был труд кораблестроителей. Буря повредила некоторые стоявшие там корабли, поэтому построили новую каравеллу и назвали ее «Индия». Это был первый корабль, построенный в американской «Индии».

Время с мая 1495 по март 1496 года оба брата Колумба использовали, в основном, для того, чтобы подчинить себе остров и вынудить коренных жителей платить дань. Каждый индеец старше четырнадцати лет должен был сдавать раз в три месяца рожок, полный золотой пылью. Касик каждые два месяца должен был приносить целую бу-

Индеец тиму

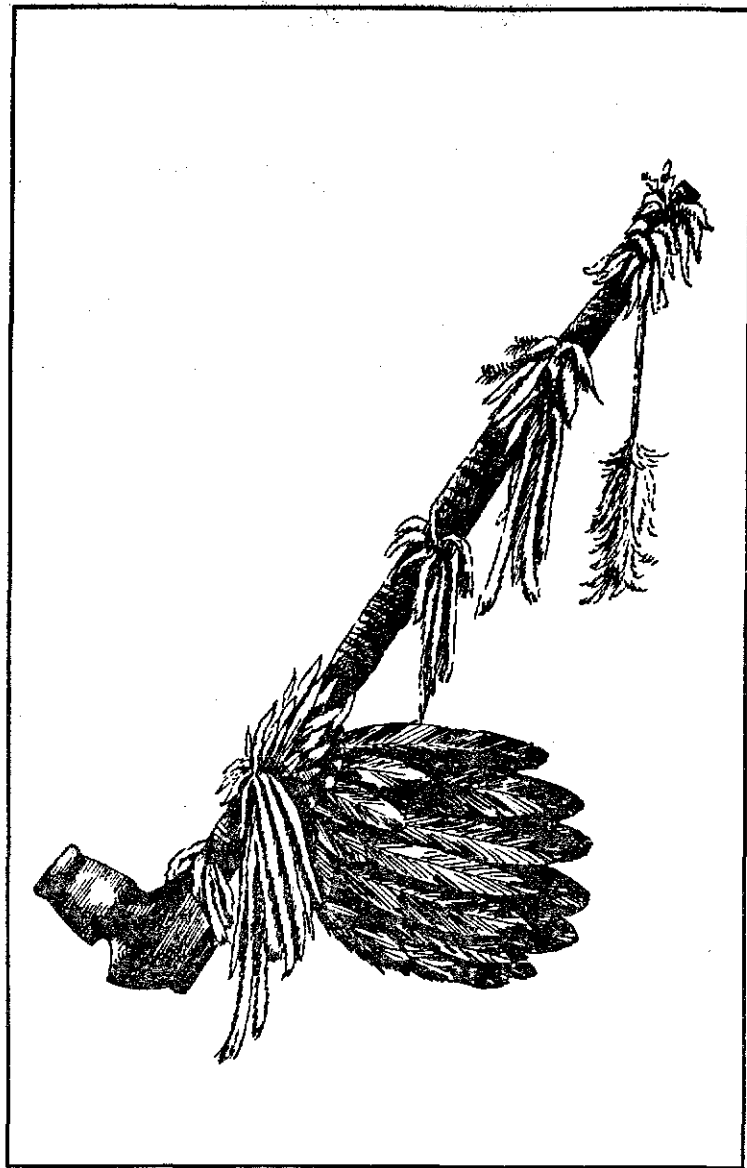
тылку из тыквы. Если в той местности не было золота, туземцы в течение квартала должны были напрясть и наткать 25 фунтов хлопка. Когда дань была выплачена, на шею туземцу вешали медную пластинку, марку. Все эти методы были достаточно жестокими. Золотые изделия, которые испанцы вначале просто отбирали у туземцев, были плодом труда целых поколений. А чтобы добыть достаточно золота для уплаты дани, понадобились бы еще целые поколения. И как можно было требовать у дикарей ежегодно сто фунтов обработанного хлопка, если они сами ходили почти голыми? Дань, которой хотели их обложить, даже если

представить себе, что все это возможно выполнить, моментально превратила бы их в рабов. И на рынке не нужно было бы продавать.

Вскоре адмирал заметил, что трудно получить и половину требуемой дани. Но он настаивал на этом, опасаясь трудностей, которые могут возникнуть по его возвращении, если он привезет не очень много золота. Туземцы скрывались в горах, убивали христиан, но за это еще в большем количестве убивали их. Многие отравляли себя соком маниоки. Население быстро сокращалось. Из ста тысяч жителей в 1492 году к 1548 году осталось всего лишь пятьсот. Это были страшные последствия фискальной колониальной политики, проводимой Колумбом.

В октябре 1495 года Колумб получил еще одно выражение неодобрения от своих королевских покровителей. Жалобы недовольных, возвратившихся в Европу, имели свои последствия. В то время как Колумб вел войну внутри страны, прибыл полномочный представитель Католических королей по имени Агуадо. Как он позднее отметил в своем отчете, почти все жители Изабеллы на что-либо жаловались. Все они были больны и озлоблены. Действительно, хорошо было только тем испанцам, которые жили внутри страны и сами добывали себе рабов и золото.

Колумб почувствовал, что настало время оправдать себя в Испании. Перед отъездом он велел брату оставить Изабеллу и заложить новый город в Санто-Доминго, как теперь называют Сьюдад-Трухильо, столицу Доминиканской Республики на южном берегу Гаити. Там была естествен-

Трубка мира

ная гавань, плодородная почва и даже золото в потоке воды. Бартоломео выполнил этот приказ, пока его брат находился в Испании. Вскоре от Изабеллы ничего не осталось, кроме нескольких стен, считавшихся проклятыми.

Итак уже не осталось больше ничего от обоих поселений, основанных Колумбом на Гаити. Каждый раз место было выбрано неудачно, да и управление организовано плохо. Мерзкой была и политика, проводимая по отношению к коренному населению. Колумб был гениальным первооткрывателем, мореплавателем с невероятной целеустремленностью и с почти сверхъестественным даром наблюдательности. Но как колонизатор он потерпел полную неудачу.

В Испанию он вернулся только с двумя каравеллами, на все еще пригодной «Нинье» и с новой американской «Индией». Как отличались они от прославленной армады 1493 года!

На двух маленьких судах теснились 225 христиан, утомленных жизнью в «Индиях», и двадцать пять рабов, среди них и Каонабо, скончавшийся в пути.

Обратный курс был выбран неудачно. 6 апреля 1496 года, проведя четыре недели в море, Колумб все еще находился в дуге Малых Антильских островов, а продукты питания были на исходе. Его звезда заметно заходила.

10 апреля адмирал попытался добыть пропитание в Гваделупе, но карибы приготовили ему слишком плохой прием. Нашли лишь красных попугаев и одну руку человека, тлевшую на копье в одной из покинутых хижин. Заложниками

стали десять женщин и трое детей. У них раздобыли немного хлеба из кассавы. Девять дней пекли новый хлеб для обратного перехода. Наконец 20 апреля отправились в путь.

Вперед продвигались медленно и неуверенно. 20 мая, спустя месяц, никто не знал, где они находятся. Дневной рацион состоял из 150 граммов хлеба и кружки воды. В начале июня некоторые испанцы предложили съесть каннибалов. Другие считали, что их следует выбросить за борт, чтобы увеличить рацион. Но Колумб вновь нашел в себе силы, вопреки, а может быть, именно из-за нужды, затмившей все. Каннибалов не тронули. В ночь на 8 июня адмирал объявил, что они пристанут к берегу недалеко от мыса Винсента в Португалии. Рулевые посмеялись над ним. Но 8 июня они уже были в Одемире, 35 миль севернее от мыса Винсента. Если Колумба уже даже и не вела его счастливая звезда, то несмотря и на приблизительные вычисления он был отличным мореплавателем, пока ветры не заигрывали с ним. На долготе Азорских островов он уже точно знал, что делал, и он был единственным, кто это знал.

11 июня на двух маленьких каравеллах он подошел к Кадису. Они вывесили все имеющиеся флаги. На берег сошли с исхудавшими, желтыми или зелеными лицами. Они внушали страх...

И не по одной только причине. В Испании уже знали, что многие из тех, кто вернулся домой из «Индий», болели страшной болезнью, поражены были ткани и даже кости. Лишь в 1530 году гуманист Джироламо Фракасторо упомянул о ней

в одном из своих стихотворений, которое называлось «Сифилис».

У индейцев с давних времен сифилис проявлялся эндемически, не представляя собой особой опасности. Больные лечили себя сами смолой гуайявы. В Европе эта болезнь была впервые зарегистрирована в 1493 году. Генуэзский летописец Бартоломео Сенарега утверждал, что она занесена из Андалусии, куда попала из Эфиопии. Но здесь возможно и смешение с американской «Индией». В 1497 году были отмечены некоторые случаи в Англии, в 1499 году — в России и Индии, за что, без сомнения, полную ответственность должен нести Васко да Гама. Такие же случаи были в 1512 году в Японии.

По всей видимости, были здоровы не все индейцы, сопровождавшие Колумба после первого плавания. К тому же они ездили по всей Испании. Один туземец, оставшийся при дворе в Барселоне, пользовался большим уважением. Известно, что он вел себя как господин, тогда как многие господа из высшего общества Испании или других стран не могли служить образцом добродетели. Как мы уже знаем, во время второго пребывания в «Индии» испанцы очень недостойно вели себя в Изабелле по отношению к местным женщинам. Может быть, именно они, а не участники первого плавания, были первыми белыми, которые завезли это зло в Европу. Ведь оставшиеся в Навидаде и, возможно, тоже болевшие сифилисом, не вернулись. С другой стороны, в своем дневнике первого плавания Колумб ясно пишет,

Ритуальный столб

что на обратном пути вся команда находилась в полном здравии.

Все это не совсем ясно, а в данном случае и не так уж важно. Болезнь была. Это была страшная месь Новог Света Старому. К счастью, Колумб не имел никакого представления о том, что несет за это ответственность.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ

В Кадисе Колумб надел коричневую монашескую рясу францисканца и не снимал ее, пока находился в Испании. Казалось, что полностью исчезло то высокомерие, которое несколько раз проявлялось в нем после триумфального возвращения. Или он хотел помириться с небесами, чтобы ему снова вернули его счастливую звезду?

Приют он нашел у Андреса Бернальдеса, священника из Лос-Паласиоса и историографа Католических королей. Редко он покидал свой дом. Его гостеприимный хозяин был его единственным другом, которому он доверял дневник своего второго плавания.

Через месяц после прибытия он получил письмо от королевской четы, выразившей готовность принять его при дворе. В сопровождении брата Каонабоса, как окрестили дон Диго, он отправился в путь, взяв с собой в подарок попугаев и золото. Дон Диго нес золотое ожерелье, весившее шестьсот «castellanos»¹. Кроме этого у него были короны из перьев, маски с драгоценными

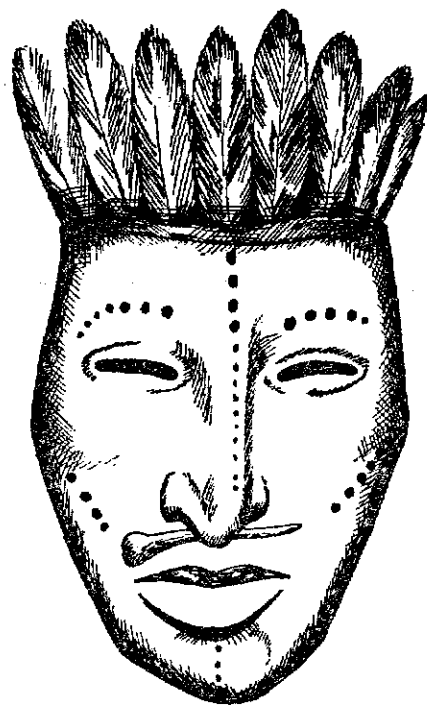
¹ Старинная золотая монета, служившая также мерой веса. — Прим. ред.

камнями и глазами, окаймленными золотом. Все это привлекало любопытных и удовлетворяло жадных, которых всегда и везде хватало.

Король и королева приняли его с почетом, но среди придворных он едва ли мог найти друзей. Колумб сразу же изложил планы третьего плавания. Но кораблей ему пришлось ждать два года. Для него их не было, тогда как 130 кораблей сопровождали Хуану Безумную на ее бургундскую свадьбу во Фландрию. Такая же армада привезла в Испанию Маргариту Австрийскую, невесту дон Хуана. Колумб, по-прежнему интересовавшийся навигационными вычислениями, рискнул предсказать день прибытия Маргариты. Дата точно совпала. Этот случай намного больше способствовал проявлению новой королевской милости, чем все услуги, оказанные им до этого.

Права адмирала были подтверждены заново, а материальные выгоды значительно расширены. Но, во всяком случае, ему пообещали не так уж много. Прежде всего речь шла о том, чтобы поддержать в «Индиях» основанные там колонии, так как их нельзя было бросить на произвол судьбы. Не посылая туда миссионеров, можно было навлечь на себя громы небесные. Католические короли уже заметно постарели и все чаще думали о смерти.

Подобрать команду было намного труднее, чем перед вторым плаванием. Чтобы пополнить команду, нужно было даже пообещать преступникам освободить их от штрафа. Но все же еретиков, убийц и развратников не брали. Потребовалось целых четыре месяца, чтобы добыть корабли, и

Маска колдуна

все из-за того, что Фонсека, ставший теперь епископом Бадахоса, чинил на их пути всевозможные препятствия. Наконец в их распоряжение были предоставлены шесть кораблей — пять каравелл и адмиральский корабль, «нао» в сто тонн.

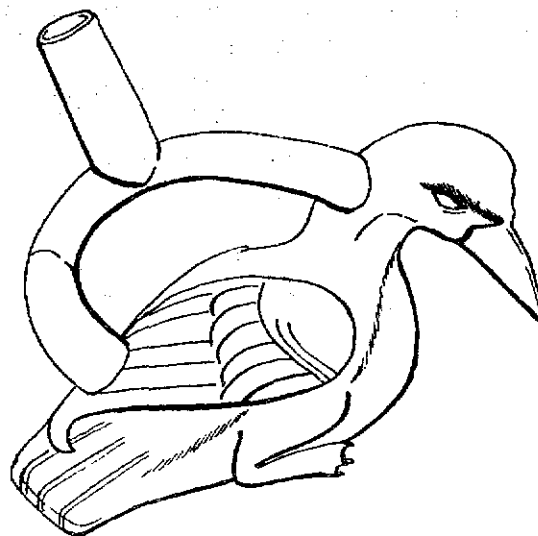
Прежде чем покинуть Европу в третий раз, Колумб привел в порядок все свои семейные дела. С разрешения властей он возвысил до майората все свои, хотя и незначительные, владения и привилегии. Все это должно было перейти к его законно-

му сыну Диего, а в случае, если тот умрет раньше отца, — к его незаконнорожденному сыну Фердинанду. Бартоломео и Диего, братья адмирала, шли в завещании за его сыновьями. Наследник всего майората по праву должен быть адмиралом океана. Колумб не забыл, что был генуэзцем. Его наследник должен был вложить капитал в банк ди Сан-Джоржио в его родном городе, «чтобы сократить налоги его сограждан». Он должен был также содержать дом, в котором бы жил кто-либо из генуэзских членов их семьи. Беатрис, мать Фердинанда, была уже ранее упомянута в его завещании.

30 мая маленькая флотилия покинула, наконец, Гвадалквивир. Здоровье Колумба оставляло желать много лучшего, но он был рад, что снова в море, вдали от придворных интриг, министров и даже поставщиков флотилии.

7 июня он был уже в Порту-Санту, в районе островов Мадейра, где его тесть был губернатором, где жила Фелипа... Как давно все это было! Как будто совсем в другом мире. На сорок миль, отделявших его от Мадейры, нужно было три дня. Там он задержался на шесть дней среди людей, знавших его в прежние годы, когда тщеславие еще не захватило его и не ввергло в пучину всех этих мучений. Там ему никто не завидовал. Ему хорошо было среди этих дружелюбно настроенных, хотя и чужих людей.

Взяв на борт воду и дрова, он направился на Гомеру (Канарские острова), до нее нужно было пройти двести девяносто миль. Как и во время второго плавания, оттуда он послал три корабля на Доминику. Затем они должны были взять курс

Фигурный сосуд

на Санто-Доминго, в новый город на побережье Гаити. Его он еще не знал. Там должен был находиться Бартоломео. Но они сбились с пути и прибыли лишь после него...

21 июня Колумб со своими тремя другими кораблями взял курс к островам Зеленого Мыса. Условия плавания были довольно благоприятными, и за шесть дней они прошли 750 миль. Якорь бросили в бухте Боавишта, где было поселение прокаженных. 1 июля он прибыл в Сантьягу. Там возникла большая португальская колония и было много черных рабов. Восемь дней он прождал скот, но ничего так и не получил. От песка, который ветром заносило из пустыни, воздух становился плотным и удушливым. От этого зноя

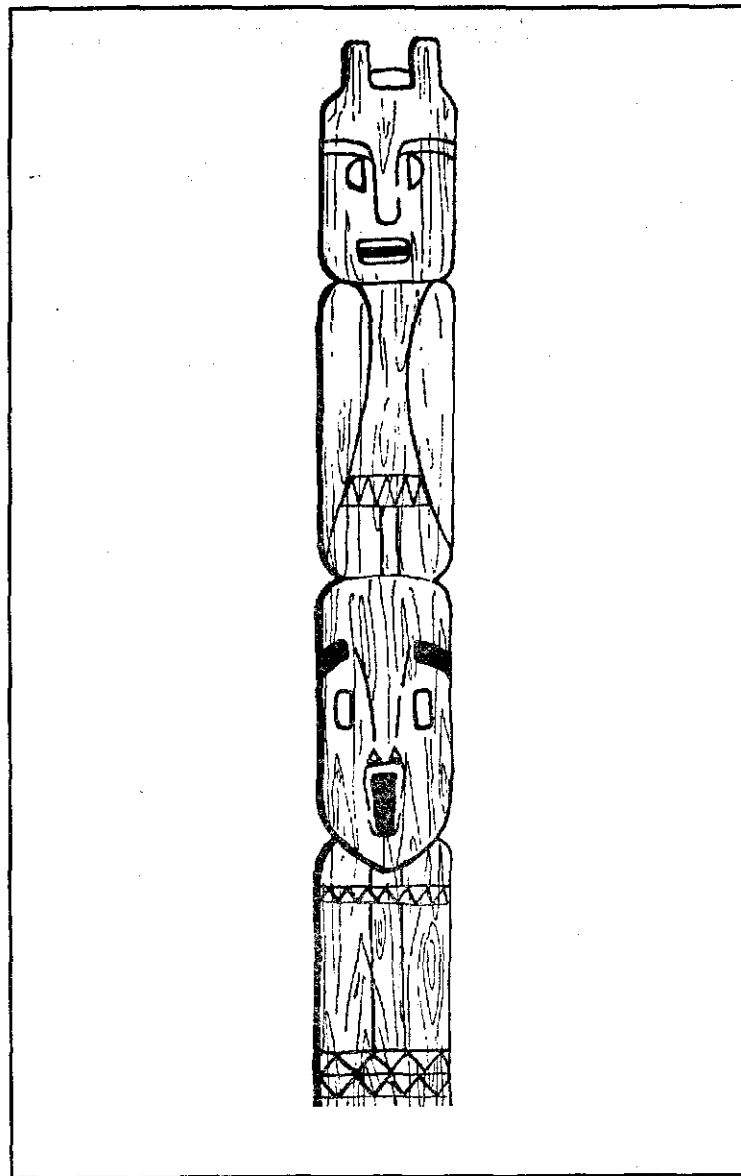
бежать хотелось. 4 июля он направился на юго-запад. В Африке на этих широтах находили золото, может быть, и там, в «Индии», оно есть!

За девять дней он прошел 380 миль. Ветер совсем стих. Было ужасно жарко, в трюмах лопались бочки с водой и вином, пшеница и солонина высохли. Немного прохлады приносил лишь липкий дождь. 22 июля вдруг поднялся ветер. Дремавшие корабли моментально ожили, радостно встрепенулись паруса, направив свой нос на запад. Вода и ветер снова создавали привычный шум. В своей каюте адмирал опустился на колени и благодарил Бога. Ветер, действительно, был редким явлением в это время года и на этих широтах.

Теперь так быстро продвигались вперед, что люди, для многих из которых это было первым плаванием, содрогались от страха при мысли о расстоянии, отделявшем их от Испании.

31 июля на горизонте появился Тринидад. Уже близко была Венесуэла.

Южный берег большого острова зарос пышной растительностью, это были высокие кедры и пальмы. Пройдя вдоль острова, Колумб увидел вдаль берега американского континента. 1 августа он дал ему название Ysla Santa, святой остров, так как он и не подозревал, что это континент. Таким образом, он обнаружил континент, хотя и совсем с другой стороны. Но этого он не знал. И еще меньше он знал о том, что это не Азия, которую он все еще хотел увидеть. Судьба сыграла с ним злую шутку, но в то же время она не лишила его той уверенности, которая могла бы стать страшным разочарованием.

Тотемный столб

По счастливой случайности он прошел залив Пария между Тринидадом и побережьем Венесуэлы. Его он пересек в северном направлении, дошел до его второго конца в южной части полуострова Пария, закрывающего одноименный залив с Запада. У этих берегов он останавливался пять раз, все еще предполагая, что объезжает остров. Через одного из своих капитанов он велел торжественно объявить о введении его во владения. Сам он этого не мог сделать, потому что ничего не видел, так сильно у него болели глаза от постоянного недосыпания. На одной из стоянок местные жители принесли ему бутылки из тыквы, полные чичи, крепкого напитка, еще и сегодня любимого у населения Венесуэлы. На другой стоянке он выменял кольца и украшения из гуанина. Гуанин представлял собой сплав из золота, серебра и меди с различными примесями. Испанцы особенно пристрастились к предметам, содержащим золото и очень удивлялись тому, что туземцы больше ценили изделия из меди. Это можно было объяснить тем, что медь привозили издалека, а золото находили здесь же на месте. Масштабы цен были различными, но белые видели в этом лишь доказательство примитивизма индейцев, чем они и пользовались, угнетая туземцев и превращая их в рабов. Адмирал заметил, что они говорят на другом языке, не похожем на язык дикарей Антильских островов. Когда они немного научились по-испански, он мог бы использовать их в качестве толмачей. На одной из стоянок на борт поднялись женщины, на них были ожерелья из зерен с нежными жемчужинами. Это

было недалеко от острова Маргариты, жемчужного острова, эксплуатацию которого Охеда начал в 1499 году.

11 августа 1498 года Колумб вдруг повернул назад, так как не нашел на западе выхода из залива Пария. Но и сейчас он не понял, что натолкнулся на континент. Он прошел мимо Маргариты, но не стал там на якорь, что было его большой ошибкой. Благодаря мешку жемчуга он был намного быстрее снискал себе милость господ, чем новыми открытиями. Но еще одно открытие он все же сделал, в чем не сомневался. Покидая берег, вдоль которого он шел, под датой 15 августа в свой путевой дневник Колумб записал: «Думаю, что это большой, до сих пор неизвестный континент, так как из него вытекают много рек с пресной водой. Кроме этого, в своей книге Исидор (Esdras) утверждает, что на земле существуют шесть частей суши и одна часть воды». В этом сказывается не только его средневековое, но и современное ему отношение, так как он объединяет в единое целое свои наблюдения с преданиями. Но логического вывода из этого он так и не сделал, вывода о том, что он находится не в Индии, не в Китае и не в Японии. Напротив, он убежден, что этот новый континент расположен где-то почти рядом с Китаем, нужно только найти очень близкий пролив, который приведет к желанным островам. Они должны быть совсем рядом. Из этого следует, что истинное значение его открытия было все еще недоступно ему. И если смелость его предприятия и правильность его наблюдений были современными, ему все же не удалось

освободиться от средневековых предрассудков, добытых из старых книг. Здесь проходят границы Колумба, каким бы гениальным он ни был во всем остальном.

Теперь он думал только о том, чтобы отыскать своего брата Бартоломео в Эспаньоле. Он взял курс на север. Но когда в открытом море направлялся к Большим Антильским островам, им овладела вдруг удивительная идея. Большая Земля, которую он только что оставил позади, была Земным Раем, так как обычно говорят, что он находится на краю Востока. Так он записал в своем дневнике. И генуэзец находился именно там. Спустя два месяца он эти мысли излагал своим покровителям в письме из Санто-Доминго, особенно указывая на средневековые данные, заимствованные им из одной из любимых книг, «Картины мира» Пьера Д'Аильи. К ним он добавил аргументы, основанные на личных наблюдениях. Судя по высказываниям древних ученых, климат Эдема был умеренным, и он сам определил, что на полуострове Пария не очень жарко. Священное писание гласит, что из Земного Рая истекают четыре реки. В заливе Пария тоже были устья четырех рек. Следуя своим источникам, Пьер Д'Аильи утверждал, что реками Рая являются Тигр, Евфрат, Нил и Ганг. Именно их водные потоки устремляются в залив. Таким был в то время ход мыслей Колумба. Слепо следовать ему нельзя, тем более что адмирал связывал с этим теорию о том, что Земля имеет форму груши, а не шара. Скорость его движения от Парии до Антильских островов объясняется тем фактом, что в

этот момент он шел по косой вниз, от вершины груши к шарообразной части Земли. А умеренная температура и является следствием возвышенного положения Парии, именно Рая. Не следует удивляться поэтому, что гуманист Пьетро Мартир в своей книге «De Orbo Novo» это место комментирует следующим образом: «Из этого я ничего не понял, и признаюсь, что доводы адмирала меня ни в чем не убеждают». Если хочешь измерить ту пропасть, в которой блуждал тогда дух генуэзца, то следует лишь сравнить его идеи о Рае с одним местом из письма Веспуччи. Флорентиец не был таким же гениальным, но его ум не совершал таких диких скачков. В своем описании южно-американского побережья он тоже называет его райским, когда пишет: «Если на этом свете есть Земной Рай, то это не так уж и далеко отсюда...». «Если он есть...». Основное различие обоих представлений заключается в этом «если», которое отделяет предположение от прыжка в пустоту.

И все же, что касается практического мореплавания и его расчетов, то Колумб остался таким же непревзойденным, как и раньше. В 1496 году он покинул Гаити у Изабеллы и никогда не видел новой столицы Санто-Доминго. После островов Зеленого Мыса за время третьего плавания он ни разу не был на известной ему земле. И все же он прибыл туда, куда хотел. В этом, отчасти, и заключается его гений. Во всяком случае, он не попал прямо в гавань Санто-Доминго, что было бы очень удивительно, так как уже на островах Зеленого Мыса его ошибка в расчетах широты

была очевидной. Но все же его расчеты можно считать достаточно точными, поскольку к Санто-Доминго он вышел всего на сто миль западнее. Как он записал, течение и ветер отнесли его в сторону. И это было правдой. Бартоломео шел на каравелле ему навстречу. 31 августа они вместе вошли в устье Озалии, омывающей новую столицу.

Там их ожидали суровые испытания. Все было разрушено и уничтожено. Поселенцы под началом Франсиско Ролдана, назначенного Колумбом перед отъездом «*alcalde mayor*», главным судьей, затеяли бунт. Вокруг него объединились все недовольные. Их было много, так как жизнь в тропиках достаточно сурова, да еще и при строгой, по их мнению, дисциплине «*adelantado*» Бартоломео. Взяв руководство бунтом в свои руки, Ролдан проник в глубь острова. Бартоломео выступил против него и его союзника касика Гуарионеса. Касик должен был заплатить за испанца, но Ролдана все еще не могли схватить. К тому же, три каравеллы, которые Колумб выслал вперед, снабдили Ролдана провиантом. Их расчеты не были такими точными, как у Колумба. Ветер и течение отнесли их далеко от Санто-Доминго к острову, захваченному Ролданом. Они ничего не знали о бунте, поэтому и отдали ему все запасы, предназначенные для столицы.

Из Санто-Доминго Колумб переслал свои записи третьего плавания в Испанию и попросил подкрепления, чтобы справиться с бунтовщиками. Но, к сожалению, его письмо к королевской чете было почти таким же несвязным, как и его мысли о Земном Рае и форме земли. Вместо того

чтобы выступить против Ролдана; адмирал пошел с ним на переговоры. Высокомерным тоном бунтовщик потребовал отозвать все жалобы на него и отдать ему и его сообщникам земельные наделы с прикрепленными к ним туземцами для работы. Колумб выполнил все его требования. Можно было подумать, что он уже не понимал, что делал.

Эта уступчивость имела свои дальнейшие последствия. С этих пор каждый поселенец имел при себе в услужении определенное количество работников, которые обрабатывали землю или добывали для него золото. Эту систему называли «ре-партимьенто» или «энкомьенда». Она распространилась по всей испанской Америке.

Сообщая обо всем этом, Колумб добавил, что события произошли против его воли. Он попросил прислать ему советника для помощи в управлении островами. Тем самым он признал свою несостоятельность, свою неспособность самому решать проблемы.

При дворе еще до получения этого злополучного письма Колумб не пользовался больше такой благосклонностью. Не лучше ли было предложить Охеде вместе с Хуаном де ла Коса и Америго Веспуччи право поискать жемчуг у побережья Венесуэлы? Нашли же жемчуг и острова Кюрасао, Аруба и Бонайре, принадлежащие сегодня Голландии, не поставив даже в известность адмирала, которому они подчинялись. Пералонсо Ниньо на таких же условиях добывал жемчуг, а Висенте Яньес Пинсон открыл устье Амазонки. Все это было еще более неприятно, потому что каса-

лось бывших подчиненных адмирала.

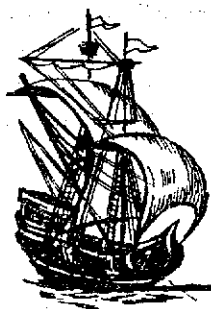
Недовольным, возвратившимся в Испанию, было легко во всех преступлениях обвинить братьев Колумбов. Очевидными были беспорядки в Эспаньоле и свидетельствовали они против них. Остров стоил денег, вместо того чтобы их приносить. Колумб отсылал рабов в Испанию, что вызывало сомнения в религиозной совести королевы, которая с полным правом не могла быть удовлетворена успехами миссии.

Произошло то, что должно было произойти. Королевская чета решила послать туда судебного следователя по имени Франсиско де Бобадиля. 25 августа 1500 года он прибыл в гавань Санто-Доминго. Адмирала там не было. Он в это время расправлялся с бунтовщиками под началом Адриана де Моксика, бывшего лейтенанта Ролдана.

Первое, что увидел Бобадиля, были трупы семи бунтовщиков, висевшие на виселице. Так, значит, это было правдой, что Колумб пролил испанскую кровь, как и жаловались на него? Диего, младший из братьев Колумба, не решился выдать Бобадиля пять других пленников, ожидавших своей казни. После этого королевский представитель, опираясь на закон, завладел крепостью и велел заковать Диего в цепи. Когда вернулся адмирал, его постигла та же участь. У Бартоломео были войска для защиты, но он все же подчинился требованию Христофора. Его держали в заточении на одном из кораблей.

В начале октября 1500 года первооткрывателя Нового Света отправили в Испанию, чтобы предать его там суду. Как только гавань осталась по-

зади, капитан каравеллы, перевозившей его, хотел снять с него цепи. Но Колумб отказался. В цепи его заковали по распоряжению властей, и они сами должны снять их с него. В Кадис прибыли в конце месяца. Но освобождения и приглашения ко двору он должен был ждать до 12 декабря. Сочувствующие ему люди заботились о его содержании. С достоинством он вынес все унижения, но морально Колумб был сломлен.

ЧЕТВЕРТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

При дворе Колумба восстановили во всех правах адмирала, но о его функциях вице-короля не было даже и речи.

Между тем Родриго де Бастидас открыл северное побережье Южной Америки между Венесуэлой и перешейком Дарьен, даже не предполагая, что это была лишь узкая полоска суши, отделявшая Атлантический океан от Тихого. Об этом узнали лишь в 1513 году благодаря Бальбоа, которого вскоре после этого открытия обезглавили по приказу королевского губернатора Педрариаса де Авилы. Это была еще более возмутительная неблагодарность, чем арест Колумба Бобадильей. Америго Веспуччи и другие прошли вдоль атлантического побережья Южной Америки. Все это совершалось ради Испании. Португальцы Кортес Реал и Кабрал сами по себе открыли Ньюфаундленд и Бразилию, в то время как Колумб все еще ждал королевской милости в садах Гранады.

3 сентября губернатором «Индии» был назначен Николас де Овандо. Он не был вице-королем, но и Колумб уже не был таковым, хотя офици-

ально его этого титула никто и не лишал. Если он даже все еще был адмиралом океана, то никто больше и не помышлял о том, чтобы полностью сохранить за ним все права, положенные данному чину, так как теперь они распространялись бы не только на открытие до этого острова, но и на весь огромный континент. Подобная мысль никогда не приходила в голову королей, да и генуэзцу тоже. Он довольствовался тем, что оставили ему короли, а именно: доля в торговле и золоте Антильских островов.

13 февраля 1502 года Колумб видел, как отплывала великолепная флотилия Овандо; двадцать четыре каравеллы, пять «нао» и один барк, всего было 2500 моряков, солдат и поселенцев, намного больше, чем он когда-либо получал. По-прежнему у него все еще не было ни одного корабля для четвертого плавания, о котором он все время говорил.

Теперь путь в Индию он хотел найти по другую сторону Кубы, которую он считал китайской провинцией. Если бы он отыскал этот путь, в чем он нисколько не сомневался, своей славой он превзошел бы Васко да Гама, который достиг Индии именно на пути к мысу Доброй Надежды. Совершив кругосветное путешествие, он бы вернулся в Испанию и таким образом смог бы удостоиться благодарности королей. Всем его бедам был бы положен конец. В действительности кто-то и получил такое право, но Католические короли и сам Колумб уже давно умерли, а первооткрыватель не извлек из этого никакой выгоды, так как умер перед своим возвращением в Испа-

нию. Этим человеком был Магеллан, который продолжил дело Колумба. Но судьба так же сурова была по отношению к нему, как и к генуэзцу.

Благодаря своей настойчивости Колумб получил наконец разрешение подготовить свое четвертое плавание. Ему даже дали письмо к Васко да Гама, который именно в это время отплыл в Индию, на случай, если он по пути встретится с ним. Таким образом, короли по-прежнему поддерживали намерения и планы Колумба. Впрочем, делали они это для всего мира, особенно если при этом были надежды получить золото и пряности.

Один из приказов, полученных Колумбом, был довольно унижительным. Ему не разрешили по дороге туда заходить на Эспаньолу, но если возникнет крайняя необходимость, то только на обратном пути. Человек, открывший Антильские острова, должен был, следуя королевскому распоряжению, держаться от них подальше. Его враги, поселенцы, вернувшиеся в Испанию, очевидно, по-прежнему питали неприязнь к нему.

Составив завещание, в котором на этот раз не была забыта Беатрис, мать Фердинанда, 3 апреля 1502 года Колумб отправился из Севильи в самое трудное плавание, принесшее ему столько разочарований. Ему был 51 год. Фердинанду, сопровождавшему его, двенадцать.

Маленькая флотилия состояла из четырех каравелл. Команда насчитывала 140 человек, в основном это были андалусцы из Палоса и его окрестностей. Если даже князья и поселенцы покинули Колумба, то моряки все еще доверяли ему. Они знали, что он этого заслуживал, и лишь не-

многие люди могут так ходить под парусами, как он. Сейчас он не командовал адмиральским кораблем, но по-прежнему намечал маршрут всей эскадры. Моряки знали, что могут положиться на него, особенно старые морские волки. Удивительно, но во время этого четвертого плавания на борту было гораздо больше молодых моряков, чем старых и уже испытанных. Был вынужден Колумб так поступить из материальных соображений, или он заметил, как и многие исследователи после него, что молодые команды лучше подходят для подобных смелых предприятий, предвидя, конечно, что этому ремеслу их научат старые бывалые моряки?

11 мая адмирал вышел из Кадиса в открытое море. Спустя два дня он прибыл в Арцилу на побережье Марокко, а оттуда взял курс на Гран-Канарию. Сам переход начался 25 мая; 15 июня на горизонте уже показался остров Мартиника. Самый быстрый и самый легкий переход Колумба был позади. После этого он прошел вдоль дуги Малых Антильских островов и 23-го был уже у Санто-Доминго. Зайти в эту гавань Овандо ему не разрешил. Через одного из своих капитанов Колумб оповестил его о приближении торнадо, но губернатор пренебрег этим предостережением. Он даже приказал готовить к отплытию в обратный путь весь свой флот, состоящий из тридцати прекрасных парусников. На борту адмиральского корабля находился Бобадиля, враг Колумба, приказавший два года назад заковать его в цепи. Едва только эскадра покинула восточную часть Эспаньолы, как налетел ураган. За несколько

мгновений пошли ко дну двадцать кораблей с Бобадиля и пятью сотнями других людей. Оставшиеся корабли снова вернулись в Санто-Доминго, но были сильно повреждены, кроме одного самого маленького суденышка, на котором были четыре тысячи песо золотом. Их Бобадиля должен был отдать адмиралу. Так судьба распоряжается счастьем, если человеческая справедливость отказывает в этом. Но когда золото адмирала было доставлено в Испанию, в то время как король потерял свое, пятьсот осиротевших семей обвинили Колумба в том, что он колдовством вызвал ураган. Вокруг имени генуэзца постепенно возникал миф. Конечно, и его команда поверила в чудо, когда благодаря заблаговременным действиям, предпринятым Колумбом, несмотря на страшный шторм, всем удалось уцелеть. Все корабли были на месте, хотя и нуждались в ремонте, который был произведен в Пуэрто-Эскондидо, в маленькой бухте, скрытой от глаз Овандо. После этого Колумб, оставив Ямайку с западной стороны, взял курс на Гондурас, куда он прибыл 27 июля. Начались поиски пролива к Индии. Вначале Колумб колебался, какое избрать направление. Идти на восток или на запад? Он остановился на первом варианте.

14 августа он объявил от имени королей об открытии Гондураса. На этой церемонии присутствовали многочисленные индейцы, они были похожи на майя с Юкатана, намного позже узнавших испанцев. Но значение этого факта ускользнуло от них. Затем долгие дни в дождь с молнией и громом эскадра шла вдоль побережья.

Команда была полностью измотана, люди исповедовались друг другу. Не было ни минуты отдыха. Постоянно нужно было следить за тем, чтобы корабль не разбился о берег.

Шторм продолжался двадцать восемь дней, а флотилия прошла за это время всего лишь 170 миль. Чтобы удержать направление, у руля должны были стоять по четыре человека. Если бы Колумб прошел дальше, все было бы легче. Но он был здесь, чтобы найти пролив, этого он и придерживался все время, хотя и был очень болен.

Наконец достигли мыса, у которого берег Гондураса поворачивает на юг. Ветер стих, плыть стало легче. Но здесь они потеряли двух человек, это место Колумб назвал Рио-де-лос-Десастрес. 25 сентября флотилия находилась у Ла-Хуэрта, у одного из островов современной Коста-Рики. Еще раз они встретились с индейцами. Колумб посчитал их массагетами, о которых говорилось в одной из его любимых книг. В действительности уже сотни лет не было никаких массагетов, а те, которые жили когда-то, были азиатами. Немного дальше индейцы объяснили, что их страна называется Квирикветана. Колумб, филологические познания которого определялись, в основном, его фантазией, назвал ее Сиампа. Здесь ему удалось получить много золота, которое он выменял на разные медные безделушки. Но пролива он так и не нашел.

Зато Колумб узнал, что он плыл вдоль узкого перешейка, отделявшего Атлантику от другого большого океана. Вероятно, поэтому он и считал, что где-то здесь должен быть пролив, и решил

продолжать поиски. Он узнал также, что страна по ту сторону моря называется Сигуаре, и поверил, что это слово созвучно со словом Сиампа или Китай. С этих пор он и довольствовался этим удивительным сходством, перестал искать пролив и заинтересовался исключительно золотом. Что произошло с ним? Никто никогда этого не узнает. Во всяком случае, ни в одном сообщении о четвертом плавании после эпизода с Сигуаре пролив и его поиски больше не упоминались. Может быть, Колумб уже задумывался о пятом плавании, которое он мог осуществить, вернув себе благодаря золоту королевскую милость. Но это плавание не состоялось. Смерть унесла первооткрывателя раньше, и он не смог уже осуществить его.

17 октября Колумб достиг побережья Верагуа, где в 1536 год его внук был назначен герцогом. Этот титул его потомки носят еще и сегодня. Из-за неблагоприятной погоды Колумб был вынужден провести там три месяца. Пройдя с большими трудностями вдоль побережья, 2 ноября он наконец нашел естественную гавань Пуэрто-Бело. Там он нашел прибежище. Это место стало позже началом пути через Панамский перешеек и торговым центром, где купцы, прибывающие на испанских кораблях, выторговывали богатства Перу.

9 ноября погода улучшилась, и Колумб снова отправился в путь вдоль побережья. 26-го он бросил якорь в маленькой бухте, которую назвал Ретрете. Индейцы встретили их довольно враждебно, что и понятно, так как команда, посещая их деревни, проявляла особый интерес к их женщинам. Берег кишел аллигаторами. Во время своего

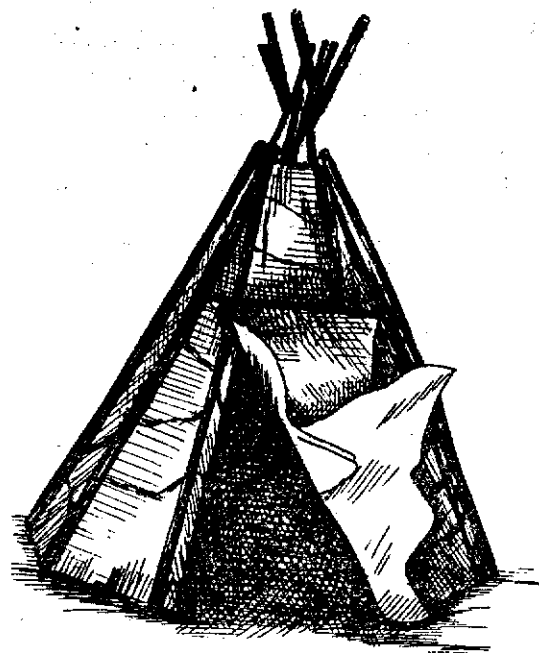
третьего плавания Колумб усмотрел в этом определенный знак, так как он знал, что в Азии водятся крокодилы. Но сейчас он был слишком усталым и разочарованным, чтобы в этом сходстве увидеть причину для новых надежд. Кроме золота, в Кастилии ему больше ничего не нужно было. Поэтому он решил вернуться в Верагуа. Он был уверен, что найдет его там. Но погода снова испортилась. Целый месяц прошел в опасном движении туда и сюда. Опасности сменяли одна другую. Вода, ветер, молния — все пришло в движение. Казалось, что берег представлял собой единственный утес, затопленный взбунтовавшимся морем. С мрачных небес непрерывно устремились на землю потоки дождя. Нигде не было спасения. По три дня корабли теряли друг друга из виду. Однажды они попали в центр смерча. Страшный вихрь со свистом образовал огромную воронку вокруг кораблей. Колумб пытался усмирить его, держа Библию в руках. Своей шпацией он рассекал воздух и чертил ею большой крест и круг, охватывающий всю его флотилию. Не начал ли он сам верить в свои сверхъестественные силы? Во всяком случае, прошли два спокойных дня. Но корабли были окружены целой стаей акул. Очевидно сама природа защищала золото Верагуа. Дневной рацион был слишком скудным, и люди, собрав свои последние силы, бросали гарпуны налево и направо, чтобы вытащить на борт окровавленные куски акульего мяса. К счастью, затишье позволило пожарить его. За этим пиршеством они немного отдохнули. Корабли, связанные друг с другом канатами, медленно

пробирались сквозь кровавую воду, сверкающую от плавников раненых и умирающих бестий, плотным кольцом окружавших корабли. Жадность охватила людей, вдруг освободившихся от невероятного напряжения, продолжавшегося несколько недель. Сухари прогнили, но из них варили кашу и ели ее ночью, чтобы не видеть червей.

Шторм начался снова. В начале 1503 года корабли укрылись в бухте в самом узком месте Панамского перешейка. Лишь несколько миль отделяли их от Тихого океана. Но они лежали как израненные звери, зализывающие свои раны после страшной битвы. Ни у кого не было сил спросить туземцев, а тем более проделать даже короткий путь через джунгли. Прошло еще десять лет, прежде чем Бальбоа открыл Тихий океан.

6 января они бросили якорь в устье реки. Это место Колумб окрестил Белен. Здесь он решил основать опорный пункт, крепость и посылать людей в глубь страны искать золото. Немного нашли. Тогда адмирал основал там поселение. Сам он хотел вернуться в Испанию за подкреплением, а вместо себя оставить Бартоломео. Слабое тело Колумба было во власти неукротимой воли.

Но и у Бартоломео была сверхчеловеческая твердость. Он не прекращал своих поисков даже и в промокшей от дождей земле. За один день он пересекал реку сорок два раза. Постепенно нагромождались пластинки и куски золота. Одновременно строили новое поселение, Санта-Мария-де-Белен. Скучные запасы, привезенные из Испании, были снесены на один корабль, который Колумб оставлял своему брату.

Вигвам из коры

Когда дожди прекратились и море стало спокойнее, Колумб хотел покинуть свое убежище и вернуться в Испанию. Но в устье реки вода настолько упала, что каравеллы не смогли выйти в море. Сначала они были пленниками разбушевавшейся стихии, а теперь их держала засуха. К тому же проявились враждебные намерения индейцев, когда они поняли, что испанцы не уйдут. Проявив неслыханную смелость, молодой дворянин по имени Диего Мендес проник в селение и органи-

Посмертная маска

зовал там засаду. Ему удалось захватить местного касика и увести его и тридцать людей из его свиты на глазах у вооруженных туземцев. Касик сумел бежать из плена. Возвратившись в Белен, испанцы принесли с собой золото в форме пластинок и цепей, которыми они обвили лавровые венки и несли их на голове.

Но касик жестоко отомстил им, убив одного из капитанов и сопровождавших его людей, когда они доставляли воду. Поток вынес их тела к устью реки вместе с воронами, разрывавшими их в клочья. Колумб в это время лежал в лихорадочном бреду на своем корабле, он ничем не мог помочь. Бартоломео был ранен на берегу. Только огонь пушек остановил индейцев, и каравеллы не были взяты штурмом. Однажды ночью несколь-

ким пленникам, запертым в трюме, удалось бежать. Они выбили люк вместе со спавшим на нем охранником. Люк укрепили цепями. Но когда на следующее утро хотели дать остальным пленникам немного свежего воздуха, увидели, что все они висят на балках. Жизни они предпочли свободную смерть. Теперь у Колумба не было ни одного заложника. Диего Мендес совершил еще один подвиг, переправив на корабль всех остававшихся на берегу испанцев, за что он был назначен капитаном вместо убитого индейцами Диего Тристана.

16 апреля 1503 года, в пасхальное воскресенье, три каравеллы смогли покинуть ненадежный Белен. Четвертый корабль весь прогнил, и его оставили.

Колумб полагал взять курс на Эспаньолу, чтобы отдохнуть там. Но черви сделали свою работу намного лучше, чем он мог предположить. 23 апреля он был вынужден в Порто-Бело оставить и второй корабль, да и два других были в плохом состоянии. Кроме того, у него оставалась всего одна шлюпка, чтобы в случае необходимости сойти на берег. 1 мая обе еще способные к морским переходам каравеллы взяли курс на север и вышли в открытое море. 12-го они были в Саду королевы, маленьком скоплении островов, открытых во время второго плавания. В своем дневнике Колумб записал: «Я достиг провинции Манги, части Китая». Для него Куба все еще была Китаем.

Его люди умирали от голода и изнеможения, так как помпы нельзя было оставить ни на минуту.

К тому же снова поднялся ветер, все якоря, кроме одного, затонули. Адмирал взял курс на Ямайку, так как у него уже не было надежды добраться до Эспаньолы, хотя он и хотел приблизиться к ней, насколько это было возможно. 25 июня он уже был там. На его кораблях вода стояла до самой палубы. У него только и оставалось времени для того, чтобы вытащить оба корабля на берег в бухте, которую в 1494 году он окрестил Пуэрто-Санта-Глория.

Гавань была удобной, там была свежая вода, в километре от нее находилась индейская деревня. Но оставались еще 116 человек, которых нужно было накормить. Диего Мендес, удивительно бесстрашный человек, показал себя еще раз. Безо всякого высокомерия и заносчивости, только благодаря мужеству, ему удалось получить все, что было необходимо. Но о ремонте кораблей или о создании нового корабля нечего было и думать. Не было инструментов, мастера были убиты на берегу Верагуа. Последнюю шляпку потеряли. Ничего другого не оставалось, как послать кого-либо в лодке туземцев в Эспаньолу, чтобы попросить там каравеллу. Это означало: грести 450 миль против течения. Кто же мог решиться на это, если не Диего Мендес? Когда Адмирал заговорил с ним об этом, он был сначала довольно сдержан. Как он сказал, доверие, которое оказывает ему начальство, и его назначение привело к появлению врагов. Он посоветовал Колумбу созвать всех офицеров и выявить добровольцев. Если никто не вызовется, тогда он, Мендес, готов пожертвовать своей жизнью ради других людей. У этого героя

не было иллюзий, но он все предусмотрел правильно: никто не ответил на вопрос Колумба. Тогда он предложил себя и сейчас же отправился в путь.

С собой он взял одного испанца и шестерых индейцев. Когда он сошел на берег у восточной оконечности Ямайки, его вдруг окружили индейцы и затеяли игру за его голову. Он воспользовался их усердием и сбежал к своей лодке, но, испытав своего рода шок, вернулся в Санта-Глорию. Он был согласен еще раз отправиться в путь, предполагая заранее, что с ним вместе на однопалубке пойдет еще кто-нибудь. Вызвался генуэзец Бартоломео Фиески, капитан одной из каравелл. На этот раз на борту каждой лодки было по шесть испанцев и десять индейцев. Их сопровождали другие лодки под началом Бартоломео Колумба до того места, где было совершенно нападение на Мендеса.

Жара была ужасной, питьевой воды было явно недостаточно для тридцати четырех человек. Едва обе лодки вышли в открытое море, как жажда становилась совершенно невыносимой. На вторую ночь умер от жажды один из индейских гребцов, у него пересохло горло, но на четвертую ночь между скалами одного маленького острова они нашли воду. Некоторые индейцы выпили так много, что умерли. Несмотря на все это, спустя еще одну ночь они добрались до западной оконечности Эспаньолы. Оттуда Фиески должен был вернуться на Ямайку, чтобы сообщить о том, что их путешествие прошло благополучно. Но никто не захотел сопровождать его. Так Колумб не получил никакого известия. Мендес отыскивал губер-

натора Овандо в центре Эспаньолы. Будучи врагом адмирала, он не смог скрыть своего удовлетворения, услышав о его неудачах, и вместо того чтобы послать ему помощь, на семь месяцев задержал Мендеса в своем лагере. Мендес смог сам узнать, какой жестокостью последователь Колумба поддерживал «мир» на своем острове. В марте 1504 года Мендес пешком наконец добрался до Санто-Доминго. В гавани он увидел каравеллу, но Овандо запретил ему взять ее.

Между тем в Санта-Глория назревал мятеж. Франсиско Поррас, по должности капитан, был плохим моряком. На протяжении почти всего плавания Бартоломео замещал его. Сейчас он был главным подстрекателем и главой мятежников. Добрая половина всех людей подчинялась ему, и он рассчитывал на их поддержку в Испании. Мятежники грозили убить адмирала, который, страдая подагрой, был прикован к койке. В конце концов они заставили индейских гребцов перевезти их в Эспаньолу. Но им не удалось пересечь океан, хотя они и выбросили за борт половину туземцев, чтобы облегчить лодки. После трех неудавшихся попыток они разбрелись по Ямайке и стали грабить индейские селения.

В конце марта 1504 года в Санта-Глории появилась одна из каравелл, посланных Овандо. Без сомнения, губернатор надеялся на то, что они привезут ему известие о гибели адмирала, так как у капитана был его приказ никого не брать на борт. В это время мятежники с Поррасом во главе захватили лагерь. Многие из них были убиты, а их вождь закован в цепи.

В Санто-Доминго Мендес истомился от нетерпения. Когда прибыла маленькая эскадра из Испании, он сумел нанять один из трех кораблей и послать его на помощь адмиралу. Сам он вернулся в Европу, чтобы передать своим покровителям письма Колумба.

29 июля, спустя год и один день после вынужденного пребывания на Ямайке, спасенные моряки снова вышли в открытое море. 13 августа они прибыли в Санто-Доминго. Вместо приветствия Овандо приказал освободить зачинщика мятежа Порраса. Теперь адмирал знал, что от Овандо он не может ждать ничего хорошего. 11 сентября он, его брат Бартоломео, его сын Фердинанд и еще двадцать два человека покинули Эспаньолу на корабле, который они сами должны были нанять для себя. Переезд продолжался довольно долго. 7 ноября 1504 года, спустя пятьдесят шесть дней, они прибыли в Сан-Лукар-де-Баррамеда.

Колумба не пригласили ко двору. Королева, его покровительница, лежала при смерти. Ее смерть 26 ноября, спустя 19 дней после возвращения Колумба, означала конец его карьеры.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ, НО ВСЕ ЖЕ УСПЕХ

Всю зиму 1504 — 1505 года Колумб провел довольно благополучно в Севилье. Он тяжело страдал от подагры и соответственно этому было его настроение. Он постоянно писал своему сыну Дону Диего, который был при дворе, и просил его добиться возмещения всех расходов, которые возникли у него при проведении последнего плавания. Он засыпал короля просьбами. Но никто его больше не слышал. Сейчас он хотел обеспечить Диего наследство, если не как первооткрывателя, то, во всяком случае, как адмирала или вице-короля, или по меньшей мере как губернатора.

В мае 1505 года он проделал мучительный путь на муле в Сеговию, где в это время находился двор. Он снова попытался попросить короля восстановить его в прежних правах. Король принял его приветливо, но ничего не обещал. Наконец взамен на его права ему предложили владение в Кастилии. Колумб отказался. Он хотел все или ничего. Он ничего и не получил.

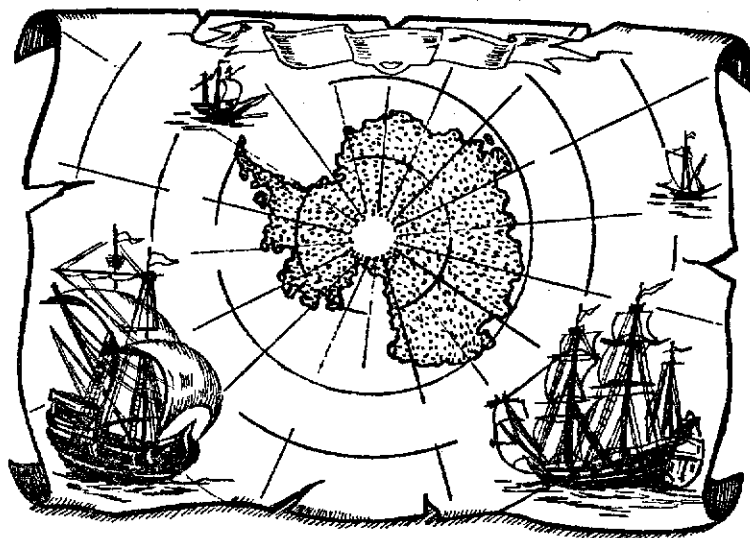
Двор переехал в Саламанку, потом в Вальядолид. Колумб, все больше страдавший от подаг-

ры, тащился вслед за ними. Он переносил невероятные боли. И все же собрал все свои силы, когда в апреле 1506 года Хуана Безумная прибыла со своим супругом Филиппом Прекрасным в Ла-Корунью, чтобы объявить Фердинанду о своих притязаниях на трон Кастилии. Он все же не смог броситься в ноги молодой правительнице, дочери Изабеллы. Бартоломео должен был взять на себя все заботы своего брата, последние силы которого постепенно угасали.

19 мая 1506 года Колумб составил свое последнее завещание. На следующий день ему вдруг стало намного хуже. Уже несколько дней назад вызвали Диего Мендеса, героя четвертого плавания, и его спутника гемуэзца Фиески. Оба Диего Колумбы, брат и сын адмирала, тоже, как и положено, были здесь, и Фердинанд, который стал настоящим мужчиной во время трудного четвертого плавания. Но Бартоломео, «adelantado», его брат, принимавший участие во всех его боях в самой непосредственной близости, все еще не мог покинуть двор. В этот же день первооткрыватель Нового Света скончался. Никто из представителей королевского дома не знал об этом. Бартоломео так и не сказал ему, что ничего не добился.

В конце этой краткой биографии одного из самых выдающихся людей переходного периода от Средневековья к современности следует попытаться более точно представить основные черты характера этого человека, этого гения.

Благодаря каким чертам, почему Колумб заслуживает быть названным гениальным?

Уже с юношеского возраста в нем проявляется удивительная способность к приспособлению и изменению своей внутренней сути. Из ремесленника и мелкого торговца, каким был и его отец, он превращается в мореплавателя, знавшего толк в мировой торговле, не вкладывая при этом в нее свой капитал, которого у него так никогда и не было. Он много занимался изучением географии и стал картографом. Этих различных преобразований он достигает с удивительной легкостью и достоинством, чем привлекал к себе внимание представителей той социальной и культурной среды, к которой он постепенно поднимался. Он умело использовал уже приобретенные знания и умения, постоянно пополняя их новыми. За короткое время из простого участника морских плаваний он превратился в специалиста, владевшего

искусством ведения не только одного корабля, но и целой флотилии. Его духовный мир становился все шире, и с такой же легкостью он приспособился к обществу.

Все объясняется лишь его гением? Конечно, нет. Здесь имели место исключительное дарование, постоянная бодрость духа, его целеустремленность и сильная воля.

Его гений проявляется в специальной области, в области открытий и мореплавания, и прежде всего в планировании предприятия. При этом он не исходил из точных и подтвержденных наукой понятий. Скорее наоборот. Его гений отличался от гения ученого в поисках истины. В области мышления им всегда руководила непреодолимая сила, с которой он пробивался к своеобразному и новому убеждению, добытому из всех доступных ему источников, безразлично, какое объективное значение они имели бы. Все преграды устраняет здесь сила мышления, а не его точность. И если при этом говорят о его гении, то происходит это по той простой причине, что именно с присущей ему сверхъестественной силой Колумб цеплялся за любую, даже неверную, но плодотворную идею. Исходя из этого, легко можно понять и все опасности, угрожавшие его духу. Его великая идея открытий на Западе была своего рода озарением. Она не была его убеждением, подтвержденным разумом, логическое предположение которого могло бы опираться на наблюдение. Иногда сила мышления уносила его так далеко от верного ло-

гического рассуждения, что озарение беспокоило его и казалось далеким от истины.

В специальной области навигации эта удивительная эксцентричность не проявлялась. Неистощимым было и тонкое чутье Колумба в отношении ко всем природным явлениям, необходимое мореплавателю в различных ситуациях. В этом проявляется его исключительное умение ориентироваться. Он, бесспорно, был одним из величайших мореплавателей, живших когда-либо на земле.

Что касается его физической и моральной выносливости, то говорить об этом нет необходимости. При этом речь идет уже не о гении, не об интеллектуальной сущности личности, а о его силе воли. Колумб неоднократно доказывал это как в исключительно трудные годы, предшествовавшие его предприятию, так и во время всех его плаваний.

Примечательна еще одна из важнейших черт его личности. Это — достоинство и твердость, с которой он выдерживал любое враждебное отношение к нему. В этом его поддерживало то озарение, предназначение его миссии, в которое он верил всеми силами своей души. Таким, в конце концов, и было то беспокойное своеобразие его сущности, сделавшее возможным его предприятие.

Он сделал величайшее географическое открытие всех времен, хотя и исходил при этом из заблуждений, которых упорно придерживался всю свою жизнь. Потому и сомневался в значимости своего открытия. Но его заблуждения принесли свои плоды: он создал современный западный

Памятник Колумбу в столице Гаити

мир. Несмотря на обман и даже преступления, сопровождавшие колониальные завоевания, они заложили основу атлантической цивилизации, судьба которой неразрывно связана с судьбой цивилизации всего мира.